

К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона

Протоиерей Лев ЛЕБЕДЕВ

ПАТРИАРХ НИКОН Очерк жизни и деятельности* НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

*«Такову зданию мнози дивятся всему,
Людие вернии приходяще отвсюду,
Еже славы изыде о сем повсюду
Иностраннии издалежа шествие творят,
Любезне со удивлением здание зрят».*

(Монастырский «Летописец»)

Итак, Патриарх Никон сравнительно легко расстался с первосвятительской властью и высоким положением. Если бы он был аскетом только молитвенно-созерцательного направления, то это было бы понятно. Но в таком случае он вообще вряд ли стал бы Патриархом. Мы видели, что с глубокой молитвенностью и аскетизмом у Никона сочетался дар великого организатора, руководителя. Он был прирожденным деятелем. Значит то, что он тяготился правлением Церковью и относительно легко от него отказался, можно объяснить только тем, что он был глубоко увлечен какой-то другой деятельностью.

Такая деятельность была. Это архитектурное творчество святителя Никона. Как правило, при исследовании жизни Патриарха его архитектурно-строительного творчества касались лишь как чего-то побочного. А между тем именно здесь ключ к пониманию личности самого Никона и многих проблем, связанных с его Патриаршеством. Следует сразу сказать, что Никон увлекался строительством и архитектурой не только «из любви к искусству» (хотя и такая любовь у него была). Архитектурное творчество Никона было обусловлено определенными католическими замыслами о Русской Церкви, служило средством их реализации. Для этого Никону нужно было сохранять и высокое иерархическое положение, и определенную меру власти. Вот почему, уйдя с патриаршей кафедры, он категорически настаивал на том, что не отрекся от патриаршего сана, желает в нем оставаться, и главнейшим условием своего ухода от правления Церковью поставял независимое правление монастырями своей постройки.

Экклезиологические замыслы Никона нашли свое окончательное воплощение в создании Нового Иерусалима. Само это название свидетельствует о глубокой мистичности и символичности монастыря и для Никона, и для всей Русской Церкви. Здесь Никон выступает как яркий выразитель духовных стремлений народа, завершает целую эпоху развития определенных представлений общественного сознания о России и Русской Церкви.

В XVI в. одновременно с появлением идеи «Москва — Третий Рим» (или даже ранее)¹⁴⁶ возникает идея «Москва — Новый Иерусалим». Обе идеи родились в церков-

* Окончание. Начало в «Б. тр.», сб. 23.

ной среде и имели своим основанием бурный рост могущества Московского государства и расцвет духовной, церковной жизни в нем. Однако если тезис о «Третьем Риме» предполагал преимущественно государственное, политическое возвышение Руси как единственной православной мировой державы — наследницы павшего «Второго Рима» — Византии, то тезис о «Новом Иерусалиме» подразумевал высоту христианского благочестия Святой Руси и ее столицы, как фактического центра мировой православной экклесии. Так что точнее эту идею следовало бы выразить словами: «Москва — второй Иерусалим». Под влиянием этих идей и представлений в русском обществе в XVI в. возникает, с одной стороны, желание построить храм, отображающий красоту Горнего мира, Рая Небесного — возжеланной цели жизни верующих людей (т. е. создать своего рода образ Рая). С другой стороны, появляется мысль о создании собора по образу храма Воскресения Христа в Иерусалиме Палестинском. Это были разные духовно-творческие замыслы, не связанные друг с другом.

Что касается архитектурного образа Рая, то к нему давно вело само развитие церковного строительства. Любой православный храм — это и «Церковь» (значение Единой Вселенской Церкви как собрания верующих) и «дом Божий» (значение Царства Небесного)¹⁴⁷. Однако эти значения как бы лишь подразумеваются в храмовой символике, не выражены явно, определению, человеческое сознание вынуждено открывать их через восприятие необычайного благолепия храма, его «космических» форм, иконостас (особенно — иконостаса), представляющей лики торжествующей Небесной Церкви святых¹⁴⁸. Нарочито прямое создание архитектурных образов вселенской Церкви и Царства Небесного встречает немалые трудности. По законам православной иконографии образ должен с достаточной точностью соответствовать своему первообразу¹⁴⁹. По ни «Вселенская Соборная Церковь», ни тем паче Рай Небесный в описуемом облике себя как будто никогда не являли, т. е., казалось бы, не могут быть первообразами для иконографического воспроизведения.

И всё же с изображением Вселенской Церкви русские справились давно и просто. Первообразом для этого послужил Константинопольский собор Святой Софии как главный столичный храм Греко-Католической Церкви. Образ в православной иконографии всегда содержит в себе таинственное и реальное присутствие первообраза. Следовательно, любой храм, построенный по образу Константинопольской Софии, оказывался в религиозном сознании обладателем той же благодати, какую имела Святая София как центральный собор древней Вселенской Церкви. Потому на Русь возникают «Софии»: Киевская, Новгородская, Владимирский Успенский собор, Успенский собор в Москве (тоже «софийного» типа)... Мы уже видели, что святой Патриарх Афанасий называет Константинопольскую Софию «соборной апостольской Церковью». Точно так же Патриарх Никон и его современники называют Успенский собор Кремля. Очевидно, что это не оговорки, не ошибки. В религиозном сознании того времени центральный собор столицы православного государства и Церкви являлся образом, иконой «Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви».

С построением храма во образ Царства Небесного дело оказалось сложнее. Здесь не за что было «зацепиться», кроме общих, отвлеченных, иногда фантастических представлений создателей наших храмов не располагали ничем. И тем не менее ощутительно присутствующее в сокровенном значении церковной символики Царство Небесное как бы побуждало людей к своему нарочитому, прямому изображению. Потребность в этом особенно усиливается в середине XVI века, когда Русь становится царством, вступает на путь всемирного возвышения. По случаю победы над Казанским ханством в Москве строится дивный Покровский собор (храм Василия Блаженного), строится как памятник воинам, павшим в боях за честь и славу отечества и посему имеющим блаженную райскую жизнь.

Храму придается облик дивного райского сада, небесного града, где у Отца Небесного «обителей много». Один из приделов храма посвящается «Входу Господню в Иерусалим». Сюда ежегодно в Вербное воскресенье начинают совершаться красочные крестные ходы из Кремля. Возут украшенную вербу — символ «древа вечной жизни», царь под уздцы ведет лошадь, на которой восседает Патриарх, изображающий Христа («шествие на осликах»). Все это воспринимается не только как возмущающие исторические события земной жизни Спасителя, но и как аллегория того входа в Горний Иерусалим, в вечную райскую жизнь, который уготован всем праведным людям. «Василий Блаженный» становится, таким образом, в литургической жизни Москвы совершением определенным знаком Царства Небесного, «Иерусалима нового» (Откр. 21, 2).

Однако при всей своей красоте этот храм — не более чем фантазия о Рае, поэтический намек на него, так как подлинный облик «Иерусалима нового» продолжает оставаться неизвестным.

Попытка создать храм по подобию Иерусалимского относится к началу XVII в.

При Борисе Годунове возникает проект постройки такого храма на месте Успенского собора в Кремле. Сама по себе идея была заманчива, соответствовала представлению «Москва — второй Иерусалим». Но ломать для этого святыню Успенского собора — образ Вселенской Церкви и знамение Москвы как «Третьего Рима» — представлялось невозможным, кощунственным. Проект вызвал сильные возражения¹⁵⁰. Последовавшие затем события Смутного времени надолго прервали эти замыслы. Однако идея была уже заявлена, «поислась в воздухе». Неудивительно поэтому, что как только Россия к середине XVII века, оправившись от бедствий, вновь набирает силу как могучее православное царство, стремление построить храм по образу Иерусалимского собора Воскресения Христова оживает.

На сей раз выразителем такого стремления становится Патриарх Никон. Трудно сказать, когда началось увлечение Никона строительством и архитектурой. Возможно, еще в бытность его послушником Макарьева Желтоводского монастыря. Очень сильное впечатление должен был произвести на него затем облик Соловецкого монастыря. Мы знаем, что Никон принял деятельное участие в подготовке строительства каменной церкви в Анзерском скиту, что и стало основой его конфликта с преподобным Елеазаром. Руководство строительством Новоспасского монастыря в Москве уже обнаруживает в Никоне незаурядное дарование. Затем, будучи на Новгородской кафедре, Никон строит там митрополичьи палаты и богадельни. Сделавшись Патриархом, он строит патриаршие палаты в Кремле, в частности знаменитую приемную палату с огромным потолком без опор, ставшую потом «мироваренной». Подлинного совершенства архитектурное творчество Никона достигает в создании Иверского Валдайского, Крестного Кийского и Воскресенского Ново-Иерусалимского монастырей. По отношению к этим трем монастырям можно с большой уверенностью говорить о том, что Никон был не только их заказчиком, но и зодчим. К такому выводу приходит, например, современный исследователь архитектуры Г. В. Алфёрова¹⁵¹. Зная, как Никон руководил стройкой Нового Иерусалима, зная вообще его склонность к необычайной основательности в делах, следует согласиться с этим мнением.

Для нашей темы, впрочем, важно другое: строительство последних трех монастырей обуславливается у Никона грандиозными экклесиологическими замыслами. Создание Иверского монастыря (1653—1656 гг.) связывается с «перенесением» в Россию благодати Святой Горы Афонской посредством Иверской иконы Богоматери Портантесы («Вратарницы»), замечательную копию которой делают по заказу Никона на Афоне и привозят в Россию в 1655 г. Кийский Крестный монастырь (1656—1660 гг.), создаваемый по обету, данному Никонем, как мы помним, за чудесное избавление от гибели на море, связывается с «перенесением» благодати Святой Земли через посредство большого кипарисного креста (в полную меру Креста Господня), привезенного из Палестины по просьбе Патриарха. Наконец, Новый Иерусалим — это не только «перенесение» всего храма Гроба Господня и даже всей Святой Земли на русскую землю, но и еще нечто гораздо более значительное.

Мысли о постройке храма по образу Иерусалимского могли появиться у Никона еще в 1649 г. По свидетельству самого Никона, в это время Патриарх Иерусалимский Пансий подарил ему кипарисовую модель храма Гроба Господня (своего рода сувенир, изделие, украшенное перламутром и довольно точно воспроизводящее облик этого храма, особенно в плане). Арсений Суханов, в 1619 г. отправившийся на Восток, имел задание Никона составить точные обмеры храма Воскресения в Иерусалиме, что он и выполнил в своем «Поскниитарии». Но, судя по тому, что, став Патриархом, Никон начал не с этого замысла, а с создания Иверского монастыря, можно думать, что идея о строительстве подобия Иерусалимской святыни еще не вполне созрела в его сознании.

Решающим моментом в созревании замысла о Новом Иерусалиме следует признать появление в русском переводе в 1655 г. «Скрижалей», о которой уже говорилось. Символическое, духовно-таинственное изъяснение литургии, храмовой архитектуры и священных предметов, содержащееся в этой книге, поразило, как мы помним, не одного Никона. Поместный Собор Русской Церкви 1656 г. признал ее не только «пенорочной», но и «достойной удивления». Символический образ мышления «Скрижалей», вполне усвоенный Никонем, привел его к величайшему озарению: Патриарх воспринял образ Палестинского Иерусалима как одновременное отображение «Иерусалима Нового», Небесного (как образ Рая). Две разные идеи русского духовно-общественного сознания и архитектурного творчества соединились в одной точке в сознании Патриарха Никона! При этом синтезе обе они претерпели значительное изменение.

Основой, самым сердцем народного благочестия Никон, как и все русские, считал православное почитание, находящее свое кристаллическое выражение в

монашестве. Оно, недаром называемое «ангельским образом», является проображением, предначинанием на земле Небесного царства. Монастырь в своем идеале есть община людей, всесторонне связанных друг с другом духом любви и взаимообеспечением в системе различных «послушаний». Монастырь — град Божий посреди земли, остров спасения, прочно отгороженный стенами от «житейского моря, воздвигаемого напастей бурей». Монастырь — наиболее последовательное и яркое выражение Церкви. Не считая домовых церквей в своих палатах, Никон не построил ни одного отдельного (приходского) храма, но только — монастырские.

Как отмечалось выше, в XVI в. понятие «Иерусалима» прилагалось к Москве — столице могучей и великой Руси. В связи с этим в проекте Бориса Годунова 1600—1601 гг. была своя логика: подобие Иерусалимского храма как центральной святыни христианства должно быть в центре Руси и даже в центре самой Москвы, в Кремле. Это было бы последовательным осуществлением Москвы как «второго Иерусалима» — духовного центра современного православного мира. Если бы святитель Никон воспринял только эту идею, он должен был бы строить подобие Иерусалимского храма пусть не на месте Успенского собора, но все же в Кремле или поблизости от него, обязательно в столице.

А Никон строит в стороне от Москвы. Ближайшей причиной этого можно считать то, что Никон вознамерился воспроизвести на местности целый комплекс святынь мест Палестины, связанных с земной жизнью и подвигом Господа Иисуса Христа, включавший Елеон, Фавор, Вифанию, Гефсиманию, реку Иордан, Вифлеем и т. д. Такой комплекс развернуть в Москве было бы, конечно, невозможно. Но это не единственная причина. Никон не случайно осуществлял свой замысел подальше от мирской суеты, в уединенном месте, и в то же время недалеко от Москвы. И строится подобие Иерусалимского храма не как отдельный собор, а в монастыре — месте молитвенных подвигов и трудов, где всё подчинено одной цели — возводить человека к Царству Божию, Царству Небесному. Выше уже отмечалось, что монашество наиболее ясно и последовательно представляет и выражает Православную Церковь как остров среди волн житейского моря. Отсюда, не теряя значения подобия земной святыни христианства, Новый Иерусалим главным образом должен выражать идею Царства Небесного, достигаемого людьми на спасительном острове Церкви.

В таком случае, Никоновский Новый Иерусалим в духовном значении по своему замыслу оказывается всё же самым центром мира, центром определенных смысловых концентрических кругов. Если принять, что православный Восток затоплен исламом, то Россия — остров среди волн враждебного неверного мира; в самой России остров спасения — Церковь Божия; в ней самой остров спасения от суеты «мира сего» — монашество; центром же русского монашества должен стать Новоиерусалимский монастырь; центром монастыря — храм — образ тех мест, где совершились спасительные подвиги и победное Воскресение Господа Иисуса Христа — залог общего воскресения верных в радость вечной жизни в Царстве Небесном. Такое положение Новоиерусалимского собора нельзя не признать даже более «центральным», чем если бы он был построен в Москве как отдельный храм. Тогда он оказался бы вне монашеского круга («острова»), среди суетной стихии мира.

Смысловому положению Нового Иерусалима удивительно соответствует его положение на местности: полукруг (в символическом это иногда все равно, что круг) гор с трех сторон, полукруг рек, круг («остров») возвышенности, округлый (овальный) храм — символика «космичности», вечности.

«Высесенный» из Москвы Воскресенский монастырь означал также, что поистине «Новым Иерусалимом», «Царством Божиим», началом Царства Небесного является в России Церковь, ее православное духовное благочестие, а не вещественная земная столица, хотя она и представляет Россию как единственную в мире великую православную державу, ибо в последнем смысле Москва — «Третий Рим». Такое «отделение» «Нового Иерусалима» от «Третьего Рима» поразительно совпало с раздором (отделением) друг от друга Патриарха и царя — «носителей» и сознательных представителей этих двух значений или восприятий одного и того же общества.

Окончательное оформление замысла в Новом Иерусалиме следует отнести к 1655 — началу 1656 г. В июне 1656 г. Никон покупает у боярина Романа Бобарыкина землю под этот монастырь. В том же году начинается строительство деревянной обители, а с 1658 г. разворачивается создание каменного Воскресенского собора и прочих святынь мест во образ Палестинских. Возникает «полумосковная Палестина»...

Что могло привести Никона к решению создать целостный комплекс подобных Палестинских святынь?

Отдельно взятому собору Воскресенского монастыря можно было, конечно, приписать значение Небесного Иерусалима в смысле Откровения Иоанна Богослова. Но всё равно по своему облику этот собор оставался бы прежде всего лишь образом

земного вещественного храма в Иерусалиме Палестинском. Как, с точки зрения основного закона иконографии, можно признать такой собор образом всего «града святого», «Иерусалима Нового», «Небесного»? Откровение описывает Небесный Иерусалим как будто совсем не так, как выглядит храм Гроба Господня, и вообще не как храм, а как *град*, в котором и храма нет, «ибо Господь Бог Вседержитель — храм его и Агнец» (Откр. 21, 22). Однако Откровение говорит, что в этом граде есть «престол Бога и Агнца» «и рабы Его будут служить Ему» (Откр. 22, 3). Престол Бога и служение Ему Иоанну Богослову дано видеть в следующих образах: «Престол снял на себе, и на престоле был Сидящий» (Откр. 4, 2). Окрест этого главного престолонаследия (седалища) расположены еще престолы — седалища малые для «старцев» — «священников» (4, 4). Перед трном Вседержителя горят «семь светильников» (4, 5), перед ним же расположен «золотой жертвенник» (8, 3), под жертвенником содержится «души убиенных за слово Божие» (6, 9). К престолу и жертвеннику подходят ангелы, «опоясанные по персям золотыми поясами» (15, 6), совершая различные служения Богу. При этом у них оказываются «золотые кадильницы», «чаши», «книги». Ангелы, старцы, священники и праведники, пребывающие здесь, приносят Богу славословия, молитвы, прошения, воспевают «Свят, Свят, Свят Господь Бог Вседержитель» (4, 8), «Аллилуиа» (19, 1) и т. д. Все это происходит в «храме Божием», который «отверзается на небо» (11, 19; 15, 5—8; 11, 1). Значит, в «Иерусалиме Новом» нет храма лишь в земном значении — как человеческого здания для молитвы, а таинственный Божий храм, где престол Вседержителя и Агнца, все-таки есть!

Нетрудно видеть, что всё происходящее в «храме небесном» и само устройство этого храма поразительно соответствуют устройству алтаря православного храма, особенно большого кафедрального собора, и Божественной литургии, совершаемой архиерейским служением. На горнем месте — престол (седалище) архиерея, по сторонам — престолы (седалища) для сослужащего духовенства. Перед горним местом — семисвещник, за ним — то, что ныне называется «престолом», но в древности называлось именно «жертвенником» (или «трапезой»); под ним — мощи мучеников (или по современной практике — в антиминсе мощи святых). Диаконы и иподиаконы, опоясанные по персям, входят и выходят, совершая каждение и различные служебные действия; поются славословия, молитвы, в том числе — «Свят, Свят, Свят», «Аллилуиа» и т. д. ...

Значит, алтарь православного собора — это уже образ Божия храма «на небе». В литургической символике алтаря, кроме того, определенные предметы издавна обладали значением основных мест земной жизни и подвига Господа Иисуса Христа. Так «предложение», которое ныне называется «жертвенником», знаменовало собою Вифлеем и вертеп, где родился Господь, а также Елеон, с которого Он вознесся на небо. «Жертвенник», ныне называемый престолом, знаменовал Голгофу и Гроб Христа Спасителя.

Следовательно, алтарь православного собора — это не образ (в иконографическом смысле), но всё же определенное знамение Святой Земли — Палестины (в смысле историко-литургическом). Здесь заметно явное неравновесие, неполнота: образом храма небесного алтарь может быть иконографически, а образом земной Палестины — нет. Между тем, именно Палестина как «земля обетованная» — прообраз обетованной земли Царства Небесного только и может быть образом этого Царства, его проекцией на земле, преломленной в соответствии с устройством земной, вещественной области Бытия. Об этом косвенно свидетельствует Откровение Иоанна Богослова, в котором Иерусалим Новый означает не город в узком человеческом значении, а именно все Царство Небесное как область нового бытия праведников (21, 24, 27). Поэтому, чтобы создать иконографический образ Царства Небесного, Нового Иерусалима, необходимо создать подобие всей Святой Земли Палестины в целом (а не одного какого-либо ее святого места), т. е. как бы вынести из алтаря и развернуть на местности Вифлеем, Голгофу, Гроб Господень, Елеон и т. д. Тогда вместе с храмовым алтарем, без сомнения, отображающим «Престол Бога и Агнца» и служение окрест него, такое подобие «земли обетованной» может претендовать на определенную благодатную полноту таинственной связи с первообразом — Царством Небесным, обетованной «новой землей» будущего.

Вот это и «увидел» святитель Никон, обладавший поразительно развитым и тонким символическим мышлением. Он понял, что иконографически отобразить Небесное Царство, сокровенно пребывающее и духовно созерцаемое в каждом храме, можно только воссозданием целостного комплекса палестинских святынь мест.

Здесь не обошлось без особой Божией помощи. Дело в том, что местность, выбранная Никоном для осуществления своего замысла, поразительно подобна в важнейших точках палестинским местам. Похожи на свои палестинские первообразы горы Елеон и Фавор, хотя и копируют их в уменьшенном виде, похожи возвышенности,

окружающие Новый Иерусалим. Но особенно поражает своей схожестью с Иорданом река Истра! Это почти точная копия Иордана и по ширине, и по виду своих берегов.

Действительно, при Никоне с понятием «Нового Иерусалима» связываются в русском обществе не только храм по подобию Иерусалимского, и даже не только монастырь, но и вся округа, точнее — весь комплекс святых мест, одноименных палестинским. Так, в грамоте Иерусалимскому Патриарху Нектарию по поводу суда над Никоном Антиохийский и Александрийский патриархи пишут из Москвы: «...В такое прииде напыщение гордостный Никон, якоже сам ся хиротониса патриарха Новаго Иерусалима, монастырь бо, его же созда, нарече Новым Иерусалимом со всеми окрест лежащими, именуя Святый Гроб, Голгофу, Вифлеем, Назарет, Иордан»¹⁵².

Никон решительно отрицал обвинения в том, что он именовался «патриархом Нового Иерусалима», но на суде его уличили, представив письмо, написанное им Илариону, архиепископу Рязанскому, где он так и называл себя. Никон вынужден был признать: «Рука моя, разве описался»¹⁵³. Однако нежелание Никона сознаться в том, что он склонен был так именоваться, вызывалось тем, что он не имел в виду возвеличить себя до звания патриарха Небесного «Нового Иерусалима». Когда на том суде его спросили, зачем он в письме к Патриарху Константинопольскому Дионисию назвал Воскресенский монастырь «Новым Иерусалимом», Никон ответил, что «намерение» его «к горнему Иерусалиму и называл себя того Иерусалима священником»¹⁵⁴.

Следовательно, в его сознании подмосковный Иерусалим прямо связывался с понятием о Горнем (Небесном) Новом Иерусалиме, в котором Никон, конечно, не мнил себя патриархом, но лишь одним из «священников» (Откр. 5, 9—10). Когда же он называл себя все-таки «патриархом Нового Иерусалима», то имел в виду только свою земную обитель и ее округу с таким названием. На суде он старался разрешить недоразумение, вызываемое различными значениями названия, так как знал, что в общественном сознании его Новый Иерусалим иногда воспринимался как нарекание на Иерусалим Небесный. Правда, такое восприятие было свойственно, по-видимому, только врагам Никона из числа старообрядцев, в сознании которых название «Новый Иерусалим» поразительным образом ассоциировалось не с вожделенным и радостным наступлением Царства Небесного, а только с мрачным периодом воцарения антихриста и «концом света».

Об этом с предельной ясностью было сказано в определениях русского архиерейского Собора 1665 г., который постановил: «Яко люднн народа российскаго зело блазнятся, сущи невежди, о имени монастыря Нового Иерусалима, паче же в последние дни сия, в няже концы век достигоша, и в той их блазни велие есть хульное слово на святейшаго Никона патриарха и того ради... не подобает писати, ниже именовать монастырь он Святого Воскресения Христова Новым Иерусалимом». Собор определил «писати его сице: «Монастырь Воскресения Христова, по образу церкви Иерусалимския, или монастырь Новый Воскресения Христова»»¹⁵⁵. Как видно, все величие замысла Никона о Новом Иерусалиме под Москвой как образ грядущего Небесного Царства и глубина значимости такого образа для России и Русской Церкви современными Никону обществом поняты не были. Открытие этой стороны замысла патриарха началось гораздо позднее. У современных историков не вызывает сомнения, что Никон создавал образ Небесного Нового Иерусалима. М. А. Ильин пишет об этом так: «Здесь (в Воскресенском монастыре. — Прот. Л.) еще лишний раз мы сталкиваемся с тем конкретным, можно сказать, материальным воплощением умозрительных представлений, столь свойственным русским людям XVII в.»¹⁵⁶

Обвинения Никона в «гордостном» названии монастыря Новым Иерусалимом (несмотря на то, что это название было официально утверждено словами царя) начались уже с 1662 г. В обстановке таких обвинений Никон, конечно, вынужден был тщательно скрывать значение «подмосковной Палестины» как образа обетованной земли Небесного Царства. Но для «имеющих ум, чтобы разуметь», патриарх прибег к очень интересному и точному намеку. Под сводами по кругу ротонды над Гробом Господним по повелению Никона была сделана поливными изразцами надпись, в которой говорилось: «Сказание о церковных таинствах, яко храм или церковь мир есть. Сие святое место — Божие селение и соборный дом молитвы, собрание людское. Святнлише же тайны то есть алтарь, в нем же служба совершается; трапеза же есть Иерусалим, в нем же Господь водворился и седе, яко на престоле и заклан бысть нас ради. Предложение же Вифлеем есть, в нем же родился Господь». Далее надпись разъясняла символические значения просфоры, проскомидии, богослужебных предметов и заканчивалась так: «...обаче ити (идти. — Прот. Л.) по опасному видению промысла — Божественное наслаждение, торжество достойных знаменует. Изобразися же сие таинство в лето 7175 (1666 г.) году, сентября в 1 день» (курс. мой. — Прот. Л.)¹⁵⁷

Следовательно, всякий «достойный», желающий «идти по опасному видению» священных образов, придя в «подмосковную Палестину» и прочитав означенную над-

пись, должен был убедиться в том, что святые места, связанные с жизнью и подвигом Иисуса Христа, давно знаменуются в общепризнанной символике церковных предметов и священнодействий, что «подмосковная Палестина», таким образом, является вполне закономерным развитием этой символики. Здесь святые места, сокровенно обозначаемые церковными предметами, как бы «вынесены» из алтаря и расположены на местности явно, в виде, приближенном к их историческим прототипам. Но алтарь — это образ храма Небесного в Небесном «Новом Иерусалиме», где «Агница как бы закланного» Иоанн Богослов видит «на престоле» (Откр. 5, 6). Значит, весь комплекс святых мест Никоновского Нового Иерусалима, «вынесенных» из алтаря, не может быть ни чем иным, как образом Небесного Царствия.

Особенно ясные свидетельства об этом содержатся в надписях на колоколах, отлитых в Воскресенском монастыре при Никоне. Судя по стилю, текст этих надписей, как и изразцовая надпись, принадлежит самому Патриарху. Большой интерес представляет Всехсвятский колокол. Он весил 200 пудов, на нем были помещены «двадцатые миней» на весь год в лицах. В верхних поясах колокола разяснялась *Богостановленность* звуковых символов ссылками на ветхозаветные «трубы» и «кимвалы», которые в Новозаветной Церкви трансформированы в колокола. В нижних же поясах было написано следующее:

«Наша брань не к плоти и крови, но к началу и властям и к миродержителю тмы века сего, к духовом злобы поднебесным, и елици победиша, о таковых сбыться другое Писание: «Святни вси победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования», и паки: «Побеждающего сотворю столпа Церкви Бога Моего»; и по мале рече: «Побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и сдох со Отцем Моим на престоле Его»; и паки: «Побеждаый наследит вся, и буду ему Бог и той будет Мне в сына»; и паки: «Побеждающему дам ести от древа животнаго, сже есть посреде рая Божия»; о них же есть инде речеся: «Сии суть приидоша от великия скорби, и испраша ризы своя в крови агницы, сего ради суть пред престолом Божиим и служат ему день и ночь, в церкви Его поюще песнь нову, глаголюще: «Достоин еси прияти книгу и отверсти печати сия, яко заклан бысть, и искупил нас Богови кровию Своею, от всякаго колена и языка, и людей, и племен, сотворил еси нас Богови нашему царю и иерен, и воцарихомся на земли, с ними Бог их, отменит всяку слезу от очию их, и смерти не будет ктому, ни, плача, ни, вопля, ни, болезни не будет ктому, яко первая мимондоша; блаженни творящии заповеди Его, да будет область им древо животное, и вратами внидут во град, с ними же сподоби, Боже, нас причастником быти; строптивым же и неверным, и скверным убийцам, и блуд творящим, и идоложрецам, и всем лживым, часть их в озере горящем огнем и жупелом. Слит сей кимвал во славу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в монастыре святаго Воскресения, рекомом Нового Иерусалима, тщанием и труды смиреннаго Никона, Божией милостию Патриарха, с прочими трудившимися, при архимандрите Герасиме, лета 7173 году, ноемвриа в 3 день, а от Воплощения Бога Слова 1664, индикта 20; вылил колокол того же монастыря монах Сергий, а святцы набирал того же монастыря трудник Петр Заборский»¹⁵⁸.

Итак, «Всехсвятский» колокол Нового Иерусалима благовестил словами Откровения Иоанна Богослова о грядущем Небесном Царстве, призывая к нему, напоминая о средствах достижения этого Царства, поставляя в пример всех святых, содержа молитву о даровании верным участия со всеми святыми в Небесном Царстве. Тем самым с достаточной определенностью указывалось на связь монастыря, «рекомаго Новым Иерусалимом», с Небесным «Иерусалимом новым», предначинным в Апокалипсисе...

1 сентября 1658 года был заложен каменный собор Воскресения Христова по образцу Иерусалимского храма. К этому времени (с 13 июля) Патриарх Никон, оставив правление, уже находился здесь. За исключением единственной длительной поездки в Иверский и Крестный монастыри в 1659—1660 гг., он все время до конца 1666 г. пребывал в Новом Иерусалиме. Таким образом, грандиозное строительство храма Гроба Господня и осуществление всего замысла о святых местах происходило под его непосредственным личным руководством. Он принимал личное участие и в самих строительных работах, что, впрочем, вызывалось чисто духовными потребностями деятельного монашеского подвига. О том, как жил и трудился святитель Никон в Новом Иерусалиме, можно судить по словам очевидца и преданного Патриарху клирика Иоанна Шушерина. «Святейший же Никон Патриарх,— пишет он,— прият на ся верги железныя (они и до сих пор хранятся в Новоиерусалимском музее.— Прот. Л.) и владыча молитвам и посту и воздержанию сам собою беспрестанно надзирати, и плинфы (кирпичи) носить на руках своих и на раменах... Таже... начат окрест монастыря пруды копати и рыбы сажати, и мельницы устраивати и всякие овощные сады насаждая, также с братиею и лес секуще, поля к сеянню расширяюще,

из болота же рвы копающе, сено кошение устрояюще и сено гребуще, везде же труды труждаяся, сам собою во всем образ показуя; и сам везде на трудах прежде всех обретаяся; последи же трудов исходя: и тако пребывавше, труды к трудам прилагая»¹⁵⁹. Обычная одежда Патриарха при этом была «от кож овечьих и ряса от влас агнчих пепеловидного сукна», камплавка, куколь. В нерабочее время он надевал «мантию черного сукна со источниками», а на работу ходил без мантии, подпоясываясь «поясом усменным широким, яко в четверть аршина бе широта пояса того и вящше». В праздничные дни Патриарх «одежды мягкие понаше и посох архирейский», а в будни — «посох великий от простых самородных дров». «Часто же убо днем и понощю рыбы ловляше, и от трудов своих братию питаше. По все же посты во отходную свою пустынь отхождаше и тамо жесточайшее житие живяше, вящшия молитвы и поклоны и пост прилагаше, сна же всегда вельми мало требоваше, яко в пошедствие точно три часа»¹⁶⁰.

За братской трапезой и в праздники Никон всегда угощал странников и нищих. «И по обеде убо всем оным странным пришельцем нозе умываше, елико их случашеся». В те годы по случаю войн многие «ратные люди» искали и находили приют и отдых в монастырских стенах. Патриарх «их всех принимаше и насыщал и ноги их омываше, елико не приключишася, яко бе по двести и по триста во един день»¹⁶¹. Никон и здесь исполнял келейное правило по уставу Анзерского скита, которому оставался верен до конца жизни. Повседневной пищей Патриарха были хлеб и огородные овощи, в праздник — уха из мелкой рыбы. Питием служила постоянно вода из «Животворного источника», который чудесно открылся при сооружении подземной церкви «Обретения Креста Господня»¹⁶².

Духовные подвиги и труды Патриарха Никона Господь венчал благодатными дарованиями. Во время его правления и после ухода в Воскресенский монастырь многие люди получили чудесные исцеления по его молитвам¹⁶³. Впоследствии, находясь в ссылке, святитель Никон по особому Божию внушению занялся лечением больных, о чем будет сказано в соответствующем месте. При этом он использовал не только молитву и освященную воду и слей, но и чисто врачебные, лекарственные средства, что свидетельствует об искреннем желании святителя помогать страждущим, а не создавать о себе ложную славу. Известно несколько важных пророческих сновидений Патриарха Никона¹⁶⁴. Многие факты жизни говорят о наличии у него также дара пророчливости¹⁶⁵.

К концу 1666 г. грандиозное здание Воскресенского собора было доведено до сводов, почти окончено, так что общий внутренний и внешний вид храма уже достаточно определился. Определились и многие «святые места», наметился круг окрестных земель, в которых они сосредотачивались.

После осуждения патриарха и его кончины преданные друзья и единомышленники Никона старались довершить его замысел. В 1685 г. был достроен и освящен главный собор Воскресения Христова. В период с 1679 по 1694 гг. были сооружены другие каменные храмы, палаты и кельи монастыря, воздвигнуты прекрасные каменные стены с башнями и надвратным храмом Входа Господня в Иерусалим. Сложился архитектурный комплекс полного цикла Господских праздников, который содержал в себе храмы, посвященные всем важнейшим событиям земной жизни Иисуса Христа.

При Никоне в недостроенном еще соборе были освящены три церкви: на Голгофе, где он особенно часто любил служить, под Голгофой — во имя Иоанна Предтечи («иже за истину пострада радуясь»), и церковь Успения Богородицы в северном крыле собора, где в прототипе — палестинском храме находится темная палата («темница»), имеющая придел во имя «Скорбящей Божией Матери». В церкви Иоанна Предтечи сам Никон указал место своего погребения. Оно находится там, где в палестинском храме Воскресения отмечено место погребения Мелхиседека, «первого архирея Иерусалимского; zde же на сем месте гроб Святейшего Архирея Никона, Патриарха Московского»¹⁶⁶. Внутреннее устройство собора в точности воспроизводит по плану и размерам устройство Иерусалимского храма Воскресения в Палестине. Здесь были созданы, кроме Голгофской церкви, Гроб Господень с часовней (кувуклей) над ним, камень миропомазания, плита «середина вселенная» и прочее. Внутреннее пространство собора также подобно первообразным, хотя в них есть немало самобытного. Но по отделке (внутри и снаружи) и по своему наружному виду Новоперусалимский храм, создаваемый святителем Никоном, очень отличался от палестинского прототипа.

Прежде всего бросается в глаза, что собор Воскресенского монастыря поставлен свободно и отдельно от всех прочих построек, не «стиснут» никакими зданиями (как в палестинском Иерусалиме), доступен для широкого кругового осмотра. Величественная и прекрасная громада собора возвышается над всем монастырем, выделяется на фоне зеленых лесов и лугов окружающей местности, оказывается ее центром, притягивает к себе сразу взоры того, кто восходит на ближайшие возвышенности. Великое

творение Патриарха Никона поражает и наших современников. И. Грабарь и С. Торопов называли его «подлинным чудом национального русского искусства, одной из самых пленительных архитектурных сказок, созданных когда-либо человечеством»¹⁶⁷.

Здесь, в Новом Иерусалиме, необычайная возвышенность (в прямом и переносном смысле) и не выразимая словами красота, вообще свойственная строениям Патриарха, достигают своей ослепительной вершины.

Основные формы собора, казалось бы, воспроизводят романские черты палестинского первообраза. Но, как справедливо замечает И. Грабарь и все вообще, кому приходилось видеть этот храм, он воспринимается как *типично русский*. Судя по всему, Никон и не стремился к скрупулезной точности при передаче облика палестинского подлинника. Сохраняя строгую верность первообразу в копиях Голгофы, Гроба Господня, в планировке храма и общем внутреннем устройстве, Никон в то же время создавал нечто совершенно особое, свое, и на русской основе. Прежде всего это достигалось традиционно русскими «шеломами» и «луковицами» куполов, поставленных на высокие барабаны, прорезанные узкими окнами, чего нет в первообразе. Центральный большой купол над главным алтарем на мощном барабане возносится высоко вверх золотой главой — «шеломом» —, сияющей, как солнце, на всю округу. В палестинском подлиннике этот купол сделан довольно скромно в виде опрокинутой чаши на низком барабане, и позолоты на нем нет. Ротонда над Гробом Господним накрыта там огромной сферой, сравнительно невысокой, а у нас такую же ротонду увенчал гигантский шатер с тремя поясами световых окон, устремленный далеко в небо и увенчанный золотой «маковицей». Колокольня в Новом Иерусалиме была значительно выше, чем в старом, и оканчивалась также золотым куполом. Весь храм в Новом Иерусалиме украшен полными изразцами с основной гаммой цветов — желтым, синим, зеленым, прозрачно-коричневым, с добавлениями белого и темно-красного. Изразцы образуют пояса и карнизы, бегущие вокруг всего собора, охватывают барабаны куполов, создают невообразимую роскошь оконных наличников и иконостасов заалтарных церквей, которые целиком изразцовые. Изразцовыми головками Херувимов, как изящной лентой, подпоясан весь храм. Во внутренней отделке есть и львиные изразцовые головы, но основной орнамент керамики — растительный: листья, травы, цветы, плоды, ветви деревьев... Ничего более подходящего к русской природе невозможно себе представить! Красота поистине необычайная, райская. Такое впечатление создается не только прекрасным декором, но и совершенно новым, ни на что не похожим архитектурным обликом собора, особенно с восточной стороны. Собор сознательно рассчитан на восприятие с востока. Никон переосмыслил храм Воскресения в соответствии с его историческим и образным значением. Господь Иисус Христос совершил Свой вход в Иерусалим от Елеонской горы с востока через «Золотые врата», которые были затем, во времена арабского завоевания, заложены и остаются так по сей день. Но с точки зрения священной истории восточный вход в Иерусалим не может не быть главным. Сам Христос является «Востоком свыше», «Солнцем правды», восходящим над миром. И хотя главный вход в собор в Новом Иерусалиме сделан с юга, как в старом, но вход в монастырь устроен с востока. Именно отсюда, от главных восточных врат обители, с великолепной церковью Входа Господня в Иерусалим, начинается осмотр храма для каждого входящего. Перед взором предстает нечто поразительное. Храм начинает вырастать из-под земли. Подземная церковь Константина и Елены с приделом Обретения Креста Господня, которая в палестинском Иерусалиме не имеет наземного завершения, здесь выходит из глубины земли верхним ярусом с внушительным куполом. Над ней постепенно возгораются террасами, уступами, кровлями, куполами и абсидами, уходя выше и дальше на запад, громада здания четких пропорций и затейливого разнообразия, завершаясь мощным взлетом в небо огромного шатра над ротондой в западной части собора, вознося за собой от земли на небо и душу человека, охваченную священным трепетом и духовным ликованием. Все воспринимается как город на горе в таинственном свечении многоцветной керамики и золота куполов. Сравнение с Небесным Иерусалимом возникает невольно. «И пришел ко мне один из семи Ангелов... и сказал мне: пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца. И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходит с неба от Бога. Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценному камню, как бы камню яспису кристалловидному. Он имеет большую и высокую стену. ...Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото... Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями...» (Откр. 21, 9—19). Одной этой красоты Нового Иерусалима достаточно, чтобы признать его не только (и даже не столько) образом храма палестинского, сколько образом «Иерусалима Нового», Небесного — грядущей вечной радости обновленного человечества и преображенной вселенной. Градообразный облик храма Воскресения, как видим, отнюдь не случаен: он соответствует пред-

ставленно о городе «Иерусалиме Новом». Это впечатление органически усилено монастырской стеной с башнями и другими строениями обители. Воистину все это — град Божий посреди Руси, луч Царства Небесного, пробивший «твердь» и запечатлевший на русской земле непреходящую красоту Горнего мира, обетованной «новой земли» будущего! Дивное сооружение Патриарха Никона является прежде всего выражением духовного мира самого автора. Такое деяние мог совершить человек не только великого ума, но и истинно святой, устремленной к Небу души.

Никон понимал, что далеко не все даже благочестивые люди его времени смогут сразу принять и оценить это его деяние. Он старался окружить свой замысел до самого начала осуществления глубокой тайной. Опасения оказались обоснованными. По мере осуществления Нового Иерусалима (а это было время опалы Патриарха) ропот против его строительства нарастал. Более всех слепыми оказались приверженцы старых обрядов, считавшие себя поборанками самых высоких представлений о Русской Церкви... Среди них и начались «хульные слова» на Никона; эти «хулы» не можно написать»¹⁶⁸. Но и враги Патриарха из православных не преминули воспользоваться дерзновенной необычайностью Нового Иерусалима для нападок на его создателя.

Первое открытое обвинение Никона по этому поводу содержится в 13-м вопросе Стрешнева Палеию Лигарида и в ответе последнего. Никону достаточно было во всем сослаться на царя, изволившего утвердить замысел. Можно было целиком прикрыться только версией «случайности» всей затеи. Но Патриарх пошел на открытую защиту своего деяния с теоретических, богословских позиций. Он очень убедительно и просто основывает свое возражение по 13-му вопросу сначала на смысле *иконографического догмата*. Он пишет: «Зрими, неправедный ответотворче, како святини апостолн и святини отцы священными изображенни и храмы, и жертвами и священными сосуды в писанин умышленных очн зрящих, воздвиже же ся тем ум к Боговидению. Якоже и Великому Василию мнится священными иконами ум на первообразное возводити». Далее Патриарх убедительно показывает, что как не грешно переписывать Евангелия и другие святые книги, писать иконы, изображающие Рождество Христово, Крещение, проповедание, вольные страдания, Воскресение и разрушение ада, так же не грешно, если бы «и самого того Иерусалима кто бы по образу, но во славу Божию святое ограждение создал на видение приспомятннго того Иерусалима, в нем же спасительные страсти нашего ради спасения содеяшася... да аще града от первообразного создати беззаконно есть?» Далее Никон добавляет, что нет никакой разницы между образом написанным (т. е. собственно иконой) и образом, созданным «воображением (сооружением) святая вещи»: и то, что является иконами, и то, что является храмами и жертвенниками. — «повсюду от первообразных размножшася»¹⁶⁹.

В своих возражениях Никон ни разу не говорит, что создает храм только по образу Иерусалимского храма, но называет свое строительство «святым ограждением» и даже прямо «градом», создаваемым от «первообразного».

Далее Патриарх обращается к догмату *кафоличности* Церкви. Он говорит о том, что Новый Иерусалим назван так по образу древнего, который продолжает существовать (Никона упрекали, что он как бы «упразднил» палестинский Иерусалим). Но Никон утверждает, что Церковь не привязана к месту и, хотя рассеяна по разным странам, «но есть едина»¹⁷⁰. Иными словами, подобие Иерусалима, создаваемое в какой-либо отдельной части Вселенской Церкви (в данном случае — в России), может обладать тем же благодатным значением и силой, что и палестинский Иерусалим, не упраздняя значения последнего, поскольку плоды спасительного подвига Иисуса Христа, совершенного в Иерусалиме, равно усваиваются верующими в любой части мира, а не только теми, кто живет в святом городе. По сравнению с этой глубиной богословского мышления Никона рассуждения «ученишшего» Палеия Лигарида, что есть только один Иерусалим на земле и второй на небе, а Икононосский — это какой-то «третий», оказываются на редкость плоскими и примитивными.

Итак, Никон вполне осознанно создавал не что иное, как «икону» земного, палестинского Иерусалима и «Иерусалима Нового». Небесного, потому она достаточно символична, как любая икона. И целостный комплекс святых мест, и монастырский «святой град», и собор Воскресения Христова не являются буквальной копией исторической Святой Земли, Иерусалима, храма Гроба Господня. Новый Иерусалим берет от своего исторического прототипа лишь, немногие, но самые важные черты и детали, добавляет и такое, чего нет в земной реальности этого прототипа. Иными словами, Новый Иерусалим символически восстанавливает в образе земной Палестины тот образ Царства Небесного, который в ней запечатлен. Палестинский прототип «обетованной земли» использован здесь лишь постольку, поскольку в нем находит свое земное преломление (отображение) обетованная новая земля Небесного Царства.

Созданная святителем Никомом икона Горнего Перусалима — «Весты Агнца» изображает эту Весту в православных ризах русского покроя, украшенных русскими узорами и самоцветами... На языке Откровения «Веста Агнца», Церковь Христова и Горний Перусалим — синонимы. Своеобразие Никоновской иконы «Весты Агнца» тесно связано с представлением о Руси и Русской Церкви как единственной в мире хранительнице подлинного Православия в его наибольшей чистоте и целостности, преемнице благочестия и силы древней Вселенской Церкви. Это положение, разделяемое, как было показано, не только в русском обществе, но и в общем мнении Восточно-кафолической Церкви середины XVII в., создавало для Никона одну серьезную проблему.

Палестинский Перусалим — общехристианская святая. Мог ли подмосковный Новый Перусалим оставаться только русским? Патриарх Никон решает эту проблему так. Уже в первые годы существования обители он населяет ее не только русскими, но и представителями разных национальностей, принявшими православие. По свидетельству Шустерина, жившего тогда в монастыре, «во оно время пребываху у Святейшего Патриарха в Воскресенском монастыре многие иноземцы: греки и поляки, черкасы (украинцы, — *Прот. Л.*) и белорусы и новокрещенные жиды в монашеском чину и в беленском»¹⁷¹. В «Деле» Патриарха Никона упоминаются еще и немцы (крестник Патриарха — Денис Долманов, Михаил да Иван Магнусовы)¹⁷². Были там и литовцы.

Одновременно Никон открывает монастыри, для посещения гостей, в том числе и неправославных. «Приезжали же мнози из многих стран и земель иноземцы, хотяще видети лице его и зрети такового великаго страсния, и он же всех с радостию приемаше»¹⁷³, — пишет Шустерин, или, как свидетельствует «Монастырский летописец», «иностранныи издадеца шестие творят, любезне со удивлением здание зрят». Значит, как центр паломничества Новый Перусалим открыт был для всех людей любых народов и вер. Жить и трудиться в нем могли тоже люди любых народов, но лишь принявшие Православие!

Таким образом, по замыслу Патриарха Никона, подлинное единение человечества во Христе на земле и на Небе, то «соединение всех», о котором молится Церковь, может быть осуществлено только на основе Православия и притом — по изволению Промысла Божия — в его русском выражении.

Началом и центром такого единения становится Новый Перусалим. Тем самым он оказывается как бы центром Вселенской Церкви, ее столицей. В таком случае Новый Перусалим, согласно законам иконографии и кафоличности, должен был обладать всеми свойствами и благодатью такого единства, как своего «первообраза», быть в определенной мере его реализацией.

Руководство данным центром представлялось Никону в некоторых отношениях чем-то даже более важным, чем патриаршество в одной только Русской Церкви. Отчасти этим и объясняется та сравнительная легкость, с которой Никон оставил правление, и те неосторожные, хотя и неслучайные, обмолвки о себе как «Патриархе Новом Перусалима», и те условия окончательного отречения от власти в Русской Церкви, какие он поставил в 1665 г. Мы помним, что эти условия предусматривали прежде всего полновластное владение Никомом тремя монастырями, в том числе Новым Перусалимом, независимость от Московского Патриарха, участие в решении церковных дел. Если представить, что эти условия удовлетворены, то окажется, что Никон становится владыкой своего рода монашеского «острова» внутри Церкви, причем такого острова, который был бы духовным центром, главной точкой не только Русской, но и Вселенской Экклезиы!

Но если мысленно вернуться к началу 1656 г., когда созревший замысел о Новом Перусалиме решено было осуществить, и представить себе, что после этого не произошло никакого разрыва между Патриархом и царем, но оба они единодушно последовали за развитием великих идей, заложенных в этом замысле, то перспектива всемирно-исторического духовного возвышения России окажется поистине захватывающей.

Это живо почувствовали и поняли невидимые и видимые силы зла и направили все свои старания на разрушение великого начинания в самом его зародыше. В этой связи отнюдь не кажется неправдоподобным содержащееся в письме Зюлиня указание на особое участие враждебных иностранных государств в интриге против Патриарха Никона, точнее — против единства и согласия между ним и русским царем. К тому же травля Патриарха, шедшая с какой-то злобной последовательностью и заметной планочерностью в течение почти целого десятилетия вплоть до окончательного осуждения Никона, вряд ли может рассматриваться как роковая цепь сплошных случайностей.

В эту борьбу против единения царя и Патриарха, а затем против всякой воз-

возможности восстановления этого единения вовлекались разные люди, в основном, свои же (Неронов, Питирим, Сытин, Боборыкин, С. Стрешнев и другие), но на решительных этапах подключались иноземцы. Известна злая роль, сыгранная Паисием Лигаридом. Русская иерархия, несмотря на искреннее желание угодить царю, не пошла на низложение Никона и судебную расправу над ним, что показали Соборы 1660 г. и конца 1665 г. Довести дело до расправы смог лишь такой международный авантюрист, как Паисий Лигарид, о котором Константинопольский Патриарх Дионисий говорил: «Я его православным не называю, ибо слышу, что он папешник, лукавый человек»¹⁷⁴. Это очень верная характеристика. В последнее время стали известны данные Римской Конгрегации пропаганды веры, опубликованные католическим историком о. Пирлингом. Из них явствует, что Паисий Лигарид всегда был искренним католиком, в 1639 г. принял рукоположение во пресвитера от униатского митрополита Рафаила Корсака, в 1641 г. был назначен католическим миссионером на Восток с жалованьем сначала в 50, потом — 60 скуди. В 1652 г. Лигарид, притворившись православным, был рукоположен в сан митрополита Газы Иерусалимским Патриархом Паисием. При этом он продолжал получать содержание от Конгрегации пропаганды. В 1662 г. (в год своего приезда в Москву!) Лигарид писал в Рим упрямый в задержке жалованья и давал объяснения, как он стал православным митрополитом, ибо Конгрегация отказывалась признавать за ним этот сан. Лигарид умер убежденным католиком. Отец Пирлинг удивляется: «Поразительно его гнусное корыстолюбие, неожиданно являющееся после долгого служения науке и Церкви. Он был орудием царя для низвержения Никона и довольствовался таким жалким положением... Он ничего не создал для России, ничего дельного по себе не оставил, в пользу Рима он также ничего не сделал»¹⁷⁵. Пирлинга следует поправить: Лигарид очень много сделал для раскола церковной и царской власти в России, т. е. для ослабления внутренней крепости страны, и для осуждения Патриарха Никона, которому он лукаво приписал властолюбивые «папистские» стремления, что служило и до сих пор служит для некоторых отечественных историков поводом к исчерпанной отрицательной оценке великого святителя. Внешне мало заметную, но очень важную роль сыграла также клеветническая интрига нескольких иноплемеников из числа работников Понтоноерусалимского монастыря, действовавших заодно со своим сродником по плоти «лекарем царская аптеки» Даниилом, который систематически наиспывал Алексею Михайловичу разные сплетни и небывлицы о Никоне¹⁷⁶. Патриарх в письме к царю в 1667 г. много говорил об этой интриге, придавая ей очень большее значение¹⁷⁷. Как можно судить из письма и из рассказа Шушерина, эта клевета, породившая очередное «дело» и «розыск», была пущена в ход в 1665 г., т. е. в самый критический момент, когда обсуждались предложенные Никоном условия отречения от власти и просьба не доводить дело до суда с участием Вселенских Патриархов.

В тяжелейших условиях опалы, находясь практически на положении заключенного, Никон в короткий срок превратил Новый Иерусалим в развитый центр духовной жизни, культуры и творчества. В монастыре находилась богатейшая библиотека Патриарха, присланная ему из Москвы; в обители намечались устроить типографию; была создана школа для монастырских работников, где они обучались грамоте и художественным ремеслам. Некоторые из учеников этой школы после осуждения Никона были взяты в царские мастерские в число учеников знаменитого Симона Ушакова¹⁷⁸. Белорусские мастера под руководством Петра Заборского наладили здесь производство прекрасных поливных изразцов. Старец Сергей Турчанинов отличался в монастыре несколько замечательных колоколов с изображениями святых и надписями, разъясняющими смысл церковной символики. В обители кипел труд строителей, каменотесов, резчиков по дереву, иконописцев, переводчиков, поэтов¹⁷⁹. Множество мастеров были взяты из Нового Иерусалима в царские мастерские Москвы после ссылки Никона.

Число братии (монахов и бельцов) достигло здесь при Никоне 500 человек. Патриарх очень часто служил, и нередко вся служба шла на греческом языке (еще один папск на вселенское значение обители!). Здесь он рукополагал священников, диаконов в свои монастыри, приписные обители и приходы в монастырских вотчинах, построял в монастырство, возводил в сан игуменов и архимандритов.

После смерти святителя Никона и восстановления его в патриаршем сане монастырь был достроен и ему оказывались многие благодеяния царей и знатных людей. Но без такого человека, как Никон, он утратил свое первоначальное символическое и католическое значение, превратившись просто в одну из видных, но обычных обителей. Дело в том, что в полной мере замысел Никона о Новом Иерусалиме был известен, пожалуй, одному только Алексею Михайловичу. Даже близкий Патриарху Шушерин, судя по всему, не был посвящен в тайну замысла. Современное общество видело в этом строгий Патриарха только образ палестинского Иерусалима и исто-

рической Святой Земли. Духовно-таинственная глубина замысла, преобразование в России Царства Небесного и возможное значение для мира, для Восточной Церкви такого деяния не были тогда поняты. Так что после ссылки Патриарха Новый Иерусалим перестал иметь то великое значение, какое уже начал было приобретать по замыслу своего основателя.

Правда, такая утрата значения связана только с общественным, человеческим восприятием вещей. Новый Иерусалим как реальность остался и по сей день остается образом, иконой исторической и Горней, грядущей «обетованной земли»...

СУД НАД ПАТРИАРХОМ

*«Абие зиждет во образ Иерусалимский
Воскресшего велий храм, яко Палестинский...
Тая зря, диавол от злобы не престаёт,
Огнь себе погнещает, того изгоняет
От места сего, в нем же пожив девять годов,
Любезно совершая многих трудов...»*

Эти слова из стихотворной эпитафии Патриарху Никону, высеченной на камне у его гробницы, увековечили твердое убеждение сподвижников Никона в том, что он пострадал из-за Нового Иерусалима. Как мы видели в предыдущей главе, это вполне соответствует внутренней логике вещей и находит первое (но не единственное!) подтверждение в том, что разлад между Патриархом и царем начался одновременно с началом осуществления замысла о Новом Иерусалиме. Не был ли этот замысел той непосредственной причиной, которая вызвала «ревность» и раздражение Никоном у Алексея Михайловича? Если это так, то можно объяснить, почему именно в 1656 г. царь начал поддаваться клеветническим внушениям против Никона, которые он раньше отвергал. Станет понятно, почему именно в этом году произошла их первая ссора, почему впоследствии самодержец не смог возродить прежнее единение любви и согласия с Никоном. Ведь Алексей Михайлович как «соборный друг» Никона был посвящен в то великое кафолическое и эсхатологическое значение, которое придавалось Новому Иерусалиму. Это весьма возвеличивало Россию, но лишало должной остроты необходимость завоевания Палестины и присоединения ее вместе с другими восточными землями к державе русского царя. Замысел святителя Никона приходил в определенное противоречие с имперской доктриной Алексея Михайловича. В один злосчастный момент царь мог также увидеть, что воплощение замысла о Новом Иерусалиме делало Патриарха Никона (да и любого на его месте) главной фигурой вселенской православной Екклесии, в духовном отношении гораздо более значительной, чем русский царь — эта «надежда и опора» всемирного Православия. Не отсюда ли возникло стремление оттеснить Никона, взять в свои руки управление церковными делами, сделаться непременно главным лицом в Церкви? Эта же причина может достаточно всесторонне объяснить и то, почему самодержцу стало нужно непременно низложение Патриарха и удаление его из Нового Иерусалима, почему после осуждения Никона Алексей Михайлович, так любивший жертвовать на строительство церквей и монастырей, остановил стройку Нового Иерусалима и не возобновлял ее до самой смерти (хотя сам же назвал это место «прекрасным подобно Иерусалиму»). До самой своей смерти этот царь, постоянно прося себе у Никона прощения и посылая ему богатую милостыню, так и не выпустил Никона из ссылки, когда тот просил только об одном — дожить свой век в Новоиеерусалимском монастыре! Значит, для Алексея Михайловича было далеко не все равно, где именно будет под стражей содержаться низложенный Патриарх...

2 ноября 1666 г. Антиохийский Патриарх Макарий и Александрийский Паисий с великим почетом были встречены в Москве. После краткого отдыха 5 ноября ночью они были приглашены в столовую палату Алексея Михайловича и имели с ним длительную беседу, о содержании которой можно только догадываться по тому, как затем завершился суд над Никоном. В помощь Вселенским Патриархам был дан Лигарид, «знакомый с делом», от которого они, по словам царя, должны были «узнать всё подробно»¹⁸⁰. Кроме того, Макария и Паисия вводили в курс дела крайне враждебные Никону митрополит Крутицкий Павел и архиепископ Рязанский Плармон. Хорошо знаком с делом Никона был и Елифаний Славинский, но его не допустили к участию в Соборе. Не были представлены в распоряжение судей и записки Славинского в защиту Никона и написанное им «Деяние» Собора 1660 г. Зато Вселенские Патриархи получили обширную записку П. Лигарида. Она начиналась так: «Внемли-

те, племена народов, главы Церкви, равноангельные архиереи, небесные и земные чины и стихии, которых и Моисей призывает во свидетельство,— внимайте! Я открою вам, праведным судиям, козни бывшего Патриарха Никона...». И вслед за этим шла беспардонная и даже довольно корявая клевета! Паисий утверждал, что Никон оскорбил всех Вселенских Патриархов, посягнув на достоинство каждого. Он хотел называться «патриархом и папою», нарушая должное почтение к Александрийскому Патриарху, который один только может иметь этот титул (следуют выписки из истории). Ничего подобного не было, в деле Никона не встречалось и не встретилось! Далее Паисий Лигарид утверждает, что Никон назвал себя Патриархом Нового Иерусалима. Это хотя и имело основания, но представлено в искаженном виде: Никон официально никогда себя так не называл. По словам Лигарида, Никон «хотел подчинить себе (!) и Антиохийский престол, стараясь обманчивою подписью и подложным сочинением быть *третьепрестольным*...». Такого тоже никогда и нигде не было; это чистая выдумка. А Константинопольский престол оскорблен Никоном, по словам Лигарида, тем, что Никон захватил Киевскую митрополию, называя себя Патриархом... «и Малая Россия», тогда как она находится в юрисдикции Константинополя (тоже, в сущности, ложное обвинение). Все это было, конечно, рассчитано на то, чтобы, задев честь Вселенских Патриархов, возбудить их особое возмущение Никоном. Однако, если отбросить лживый, клеветнический характер этих главных обвинений Лигарида, их лукавую направленность, нельзя не заметить, что они, хотя в перевернутом, искаженном виде, как в кривом зеркале, отражают некую действительность, которая и впрямь является главной причиной осуждения Никона. Создавая в могучей России свой Новый Иерусалим, Никон как его «Патриарх» в самом деле приобретал невиданную католическую значимость и силу, в чем-то даже превосходившую значение четырех Вселенских Патриархов в том состоянии, в каком они тогда находились.

Далее в записке следовали часто употреблявшиеся обвинения против Никона — в гордости (не называл архиереев братьями и не советовался с ними, что неправда), в жестокости, грубости, в несправедливости, в незаконном захвате земель и средств монастырей для своих монастырских построек, в ношении титула «великий государь». Паисий «сдобрил» эти обвинения и множеством вздорных: Никон вместо синих скрижалей стал носить червленые; имел 80 саккосов и по 20 раз за одной литургией переодевался, желая быть подобным Вышнему; расцеловывался в алтаре перед зеркалом; приравнивал себя к святым, нося на главе корону или диадему, был во второй раз рукоположен в архиерейский сан, когда возводился в патриаршество (!) и т. п. Наконец, по словам Лигарида, Никон будто тем только и занимался, что, «запершись, считал золото, драгоценности и сибирские меха». Тут уж Лигарид приписывал Никону страсть, которая владела им самим! Газский митрополит так увлекся, что забыл в своей записке привести главную «официальную» вину Никона — оставление кафедры... Таковы «подробности», которые узнавали Патриархи от Паисия Лигарида, «знакомых с делом».

На предварительных заседаниях Собора по делу Никона Алексей Михайлович неоднократно и настойчиво указывал на «самовольный» уход Патриарха от правления как на главную его вину, которая привела Церковь к длительному «вдовству». В заседании 28 ноября 1666 г. возник вопрос, произнести ли приговор над Никоном заочно, не приглашая его, так как преступления его доказаны верными свидетелями, или вызвать его и допросить. Вселенские Патриархи, поддержанные большинством русских архиереев, сказали царю, что, по правилам, Никона нужно позвать на Собор и спросить, почему он оставил правление и ушел в монастырь, равно и о других винах. Тут же была составлена и отправлена с посольством грамота Никону, предлагавшая Русскому Патриарху «без всякого замедления, «со смирением» и «непременно» прибыть в Москву.

В полночь 1 декабря Никон подъехал к Никольским воротам Кремля.

Таким образом, «дело» Никона и приговор о нем были *предрешены заранее* настолько, что пришлось даже особо рассуждать о том, стоит ли выслушивать самого обвиняемого...

Как видим, в распоряжение Собора поступили два основных, главных обвинения. Одно из них можно назвать *главным фактически*. С полной ясностью оно не было сформулировано, но многое говорилось в духе этого обвинения. Оно состояло в том, что Никон вызывал *сильный царский гнев*, чему виной крайнее превозношение Патриарха, выразившееся в особенности в создании Нового Иерусалима.

Второе обвинение может быть названо *официально главным*. Оно указывало на оставление Никоном кафедры, «самовольный уход от правления».

Нетрудно видеть, что в основе, в подтексте обоих обвинений лежало заведомо и сознательно «вставленное» сюда положение о непомерной гордости Никона, которая

во всем проявлялась и всему была виной. В таком освещении «дело» Никона оборачивалось настолько не в его пользу, было так «ясно», что и впрямь не требовало особых разбирательств.

Автором такой интерпретации деяний и поступков Патриарха Никона следует признать Алексея Михайловича. Он достиг этого следующим способом. Отсекая от внимания судей весь характер и историю своих дружеских отношений с Никоном, не говоря ничего о подлинных причинах ухода Патриарха, царь выставлял на вид одно — Никон «самовольно», «никем не гонимый», даже не вняв его царским «уговорам» остаться, покинул правление Церковью и тем самым оставил ее «вдóвой» на столь длительный срок. Из этого тезиса уже легко разворачивалось всё остальное, представляющее Никона как безмерного гордеца, поправшего и царскую милость, и свои архипастырские обязанности, превознесшего даже и над Вселенской Церковью!

В Никоне никогда не было ни непомерной гордости, ни чрезмерного властолюбия, ни желания подчинить себе царя. Всё его могущество основывалось, главным образом, на глубокой личной дружбе и любви между ним и Алексеем Михайловичем. Никон был убежден, что такое согласие любви между главой Церкви и главой государства является единственно нормальным образом их взаимоотношений, исполнением духа и смысла всех канонов Церкви в вопросах патриаршей и царской власти, высшей правдой общественной жизни, правдой, которую хранит теперь только одна Россия и свидетельствует ее всему миру. Всё, на что решался святитель Никон в области своей архипастырской деятельности, было всегда согласовано с другом-царем или подразумевало его заведомое согласие. При этом Никон никогда не прибегал к человекоугодию, никогда не подкупал, не задабривал. Он был таким, каков есть, — прямым, бесхитростным, иногда резким. Власть почти ни во что, а ему такое отношение завистники вменяли в гордость! Патриарх Никон обладал огромной внутренней свободой. При условии православности государя и соблюдения им церковных канонов для Никона в отношениях с ним оставался лишь один вопрос: есть подлинная духовная дружба с царем или нет? Если есть, он готов был нести бремя патриаршей власти, если нет, то и ему Патриархом быть незачем; Церковь не пострадает, изберут другого. И то, что столь долго на место Никона никто не избрали, не его вина, а, как было видно, исключительно вина самого царя. На Алексея Михайловича Никон всегда смотрел по-монашески, по-свадебски, по-братски: он был для него прежде всего братом во Христе, духовным сыном, другом (хотя и царского достоинства Никон никогда не унижал). Это-то и поправлялось Алексеем Михайловичем, таких человеческих и братских отношений он и желал, за это и любил Никона, предпочитая всему своему окружению! Люди, раболепствующие перед царями и сильными мира сего, всегда завидовали Никону и никогда не могли понять таких отношений его с государем.

...Теперь, перед судом Собора, чтобы как-то скрыть свою личную зависть к нарастающему всемирному авторитету Никона, Алексей Михайлович отнес на главное фактическое обвинение на второй план, а на первый выдвигал обвинение официальное и формальное. Царь, кроме того, как бы устранил себя самого, свою прежнюю любовь и дружескую поддержку всех деяний Никона, и тем самым то, что могло быть судимо по «законам» любви и дружбы, ставил перед судом по «букве» правил, канонов, перед судом сторонних людей. «Перестановка» обвинений затемняла дело, не давала возможности докопаться до причины того «царского гнева», из-за которого Никон покинул правление. А отсечение от внимания судей всей истории личной дружбы царя и Патриарха не давало возможности понять, почему Никон не мог «потерпеть» царский гнев. Отсекаясь от духа и смысла канонов, от духа любви, царь теперь ставил всё дело на «букву», и тогда нарушителем правил и канонов получался не он, а Никон, позволявший себе (во имя любви и смысла святых канонов) «поноситься», «оскорблять» царя, требовать от него послушания, самовольничать и т. д. Царь же по «букве» казался вполне в рамках правил и ничего не поправ, кроме разве одной любви!..

Утром 1 декабря 1666 г. состоялось первое (если не считать предварительных) судебное заседание Большого Московского Собора по делу Патриарха Никона¹⁸¹. Оно произошло в столовой палате царского дворца и было оформлено с величайшей пышностью и торжественностью. Присутствовали: митрополиты — Питирим Новгородский, Лаврентий Казанский, Иона Ростовский, Павел Сарский (Крутицкий), Феодосий Сербский, Пансий Газский (Лигарид), Григорий Никейский, Косма Амасийский, Афанасий Иконийский, Филофей Трапезундский, Феофан Хиосский; архиепископы — Анастасий Спайский, Симон Вологодский, Филарет Смоленский, Иларион Рязанский, Стефан Суздальский, Иоасаф Тверской, Иосиф Астраханский, Арсений Псковский, Манассия Погожийский; епископы — Александр Вятский, Лазарь Черниговский, Мефодий Мстиславский, Иоаким Сербский, а также 30 архимандритов и игуменов русских мона-

стырей, архимандрит Александрийской Церкви Матфей, афонский архимандрит Дюнисий, протосингел Александрийской Церкви Венедикт, игумен той же Церкви Леонтий и 12 московских протоиереев. На Соборе также присутствовал весь царский синклит (правительство).

За Никоном послали епископа Мефодия Мстиславского (младшего по хиротонии) и двух архимандритов. Никон, находившийся на отведенном для него Лыковом дворе у Никольских ворот, который был прочно отгорожен и окружен сильной стражей, собрался идти в преднесении большого выносного креста¹⁸². Посланные стали говорить, чтобы он не шел с крестом. Никон настаивал на своем. Послали гонцов к Собору. Собор указал идти без креста. Никон заявил, что иначе не пойдет. Мало-помалу уже вышли с крестом на крыльцо. Снова послали гонцов к Собору. Собор решил: «Пусть уже идет и со крестом», но твердо договорились, что когда Никон войдет, перед ним никому не вставать. Несмотря на ранний час, Кремль был запружен народом, сострадавшим своему Патриарху, так что Никон двинулся с трудом, раздавая благословение. Как только в соборную палату внесли крест, царь встал, а за ним вынуждены были встать все. За крестом вошел Патриарх Никон. Ему предложили сесть. Но святитель, оглянувшись, увидел, что для него не приготовлено такого же кресла, на каких восседали Патриархи, и вообще никакого подобающего Патриарху места, а стоит простая скамья. Никон являлся еще законным русским Патриархом, ему еще не было предъявлено официальное обвинение в чем-либо, а между тем к нему относились как к уже осужденному. Поэтому сесть Никон отказался. Алексей Михайлович, увидя это, тоже встал с высокого раззолоченного трона и вышел перед Никоном. Хотели встать и Патриархи, но царь велел им сидеть. Итак, посреди большой палаты, посреди множества свидетелей, представлявших собой и Церковь, и государство, стали друг против друга, как на поединке, царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон.

Первым возвысил голос царь. Со слезами на глазах он сказал: «Святейшие Вселенские Патриархи! Судите меня с этим человеком! Иже прежде бысть нам истинный пастырь.. посем же не вемы, что бысть ему, яко остави свою паству и град сей, и отиде в свой ему созданный Воскресенский монастырь..»¹⁸³. «И от этого его ухода многие смуты и мятежи учинились, Церковь вдовствует девятый год: допросите бывшего Патриарха Никона: для чего он престол оставил и ушел в Воскресенский монастырь?»¹⁸⁴.

Вот так предлагалось судить отдельно взятый факт — «самовольный уход».

Вселенские Патриархи спросили Никона, зачем он ушел. Никон ответил, что ушел из-за царского гнева, который обнаружился в определенных поступках царя. И повелел об оскорблении своего боярина 6 июля 1658 г., о том, как царь не наказал виновного, не пришел на богослужения 8 и 10 июля, как присылал Ромодановского сказать, что гневен на Никона и чтобы Никон больше не писался «великим государем». Видя гнев государей на себя, он, Никон, и ушел от правления.

Таким образом, Патриарх сразу выводил Собор на исследование самого главного — на вопрос о причинах царского гнева. Это было и предложением Алексею Михайловичу рассказать, почему он расторг свою дружбу и сближение с Никоном. Всё теперь зависело от откровенности царя.

Царь, присевший во время объяснений Никона, снова встал и уже без слез начал... обманывать Собор самым неумелым образом. Он заявил, что никакого гнева не имел на Никона, не приказывал Ромодановскому говорить о гневѣ, а приказал только, чтобы Никон не назывался впредь «великим государем», потому что так не положено Патриархам, что сам он, царь, так называл его, желая почтить, но ему, Никону, не приказывал, чтобы он себя так называл. Царь также сказал, что Хитрово «зашиб» патриаршего боярина «за невежество, что пришел не во время», и это бесчестие к Патриарху не относилось, что он, государь, не приходил на богослужения в указанные дни «за множеством государственных дел».

Но почему царь именно *теперь* потребовал от Никона не называться «великим государем», если уже давно сам его так начал называть и, как мы видели, допустил этот титул даже в печатных книгах, никогда раньше не упрекал в этом Патриарха? Почему царь в этот раз не пригласил Никона к торжественному обеду с иноземным гостем, что раньше всегда делал? Почему в эти именно дни государственные дела помешали ему прийти на патриаршие службы, тогда как ранее никакие подобные дела никогда не препятствовали молиться вместе с Патриархом? Ничего этого царь не объяснил, и таких вопросов никто ему не задал.

Зато Никона спросили, какие обиды были ему от царя. Никон отвечал: «Никаких обид не бывало, но когда он начал гневаться и в церковь ходить перестал, то я патриаршество и оставил». (Никон вновь попытался вернуть всех к рассмотрению самого важного!) Но Собор уходит в сторону. Спрашивают архиереев: какие обиды

были Никону от государя? Архиепери отвечают: «Никаких». Никон в третий раз заявляет: «Я об обиде не говорю, а говорю о государеве гневе: и прежние Патриархи от гнева царского бегали — Афанасий Александрийский и Григорий Богослов». Собор снова уклоняется от существа дела; Патриархи говорят, что Никон ушел не так, как те святители, но «отрекся», что впредь ему не быть Патриархом, если же будет Патриархом, то «анафема будет». Никон опровергает это обвинение: «Я не так говорил а говорил, что за недостойностью своею иду, а если бы я отрекся от патриаршества с клятвою, то не взял бы с собой святительские одежды». Памсий и Макарий сказали, что Никон, снимая святительские ризы, произнес тогда «анакснос» (недостойн). Никон: «Это на меня выдумали». Собор умолк, возник опасный момент, когда могли вернуться всё же к рассмотрению главного вопроса, составлявшего всю сущность дела, — о причинах царского гнева на Никона. «Спасать положение» устремился сам Алексей Михайлович. Он заявил: «Никон писал в грамотах к Святейшим Патриархам на меня многие бесчестия и укоризны, а я на него никакого бесчестия и укоризны не писал». И царь предложил далее читать перехваченную грамоту Никона к Константинопольскому Патриарху Дионисию.

Чтение личного письма Никона, часто прерываемое возгласами возмущения или вопросами Никону, содержало рассказ русского Патриарха о его борьбе с притязаниями царя на управление церковными делами, о различных явлениях в русской церковной жизни, требовавших исправления. Когда дошли до места, где Никон упоминал о том, как ездил на Соловки за мощами митрополита Филиппа, которого замучил «царь Иван неправедно», Алексей Михайлович, словно увидев намерения самого себя, возмутился: «Для чего он такое бесчестие царю Ивану Васильевичу написал, а о себе утаил, как он низверг без Собора Павла, епископа Коломенского». Никон ответил, что об извержении Павла есть «дело на патриаршем дворе». Ему возразил Павел Крутицкий, сказав, что такого дела нет. Препираться Никон не стал. Но вот прочитали в письме об истории важнейшей и самой главной. Никон писал о том, как вначале царь был «благоговеен и милостив», а как окончил литовскую войну (т. е. с начала 1656 г.), «тогда нача по малу гордети и выситися и нами глаголемая от заповедей Божиих презирати и во архиерейские дела вступатися»¹⁸⁵. В этих словах, хотя и кратко, но очень точно и определенно было сказано о *конкретной причине всего «дела» Патриарха Никона*. Естественны были бы вопросы: в самом ли деле в царю произошла такая перемена и он стал выходить из послушания Церкви, разрывая единство любви и согласия с Патриархом и почему, по каким причинам? Алексей Михайлович не мог не понять, что это место в письме требует его рассказа о взаимоотношениях между ним и Патриархом, начиная с 1656 г. Но, уклоняясь в сторону, Алексей Михайлович задает очень выгодный для себя вопрос: «Допросите, в какие архиерейские дела я начал вступаться?»

Казалось бы, тут Никон мог произнести целую речь о посягательстве царя на «обладание Церковью», что он (Никон) не раз делал довольно пространно в письменном виде. Но Никон молчал. Возникла пауза. От него ждали ответа, но не дождалась: он молчал.

Стали читать дальше и быстро дошли до места, где Никон пишет о том, как он оставил патриаршество «ради царского гнева». Алексей Михайлович прервал чтение: «Допросите Никона, какая ему от меня немилости или обида, кому заявлял он о моем гневе, сходя с престола, присылал ли я к нему, чтобы он с престола сошел, и отрекался ли он от патриаршества в соборной церкви». Никон повторил всё то, о чем уже было говорено. «Государев гнев я объявил небу и земле: патриаршество я не отрекался», — заявил Никон, выразившись о своем уходе: «сошел с престола» (т. е. удалился от правления делами Церкви).

Рассуждения Собора, описав некий круг, вновь вернулись к той точке, с которой начались. Но почему Никон смолчал по вопросу, о котором так много раньше говорил? Увидев, как Алексей Михайлович ускользнул от объяснения самого существенного во всем деле, Патриарх теперь ясно понял, чего добивался государь. Никон знал к тому времени, как решают вопрос о приоритете царской власти в церковных делах греческие иерархи. На всё, что бы ни сказал он о вмешательстве царя в архиерейские дела, был бы немедленно дан ответ: царь имеет на это право! Обвинить Алексея Михайловича могли разве в том случае, если бы он сам рукоположил кого-то в священный сан или совершил Божественную литургию...

Ясно стало, что Собор не будет расследовать важнейшие причины разлада между царем и Патриархом, а сосредотачивает внимание на том, чтобы непременно найти такие «вины», за которые можно было бы осудить Никона. Собор становился не судом, а судебной расправой. Честного «поединка», а вернее сказать — честного и откровенного объяснения между царем и Патриархом перед лицом Церкви не состоялось: царь скрывал правду от Собора, прибегал к хитростям и уловкам и тем самым

предавал своего друга на заведомое осуждение. Никон это понял. Больше он уже не ждал и не добивался действительного расследования, только отвечал на вопросы кратко, как бы поневоле, внутренне смирившись со всем, иногда оживляясь горькой тоской.

Дальше всё покатилось уже как под гору. При чтении письма Никона Дионисию особое возмущение вызвало то место, где Никон, считая Паисия Лигарида «лапником» и «сретником», указывал на недопустимость его участия в управлении Русской Церковью. Это участие, по словам Никона, выразилось в том, что на одном из Соборов «по благословению» Паисия рукоположили чудовского архимандрита Павла в митрополита Крутицкого (Сарского), а митрополита Питирима пересели на Новгородскую кафедру «и иных епископов по иным епархиям многим; и от того их беззаконного Собора,— писал Никон,— преста на России Святыя Восточныя Церкви единение и ваше благословение, но от римского костела начатки восприяли, по своим их волям»¹⁸⁶.

Мысль Никона была слишком решительна хотя бы потому, что приверженность Лигарида «римскому костелу» нуждалась в точных доказательствах, которыми Никон не располагал. Газский митрополит являлся главным помощником Алексея Михайловича в подготовке всего Собора и дела против Никона. Такой удар по Лигариду мог подорвать всё, на чем основывался царь. И царь воскликнул: «Никон нас от благочестивой веры и от благословения святых Патриархов отсел и к католической вере причел и назвал всех (?) еретиками... и за то его ложное и затейное письмо надобно всем стоять и умирать (?) и от того очиститься». Никона обвинили в оскорблении Русской Церкви. Он заметил царю: «Только бы ты Бога боялся, ты бы так со мной не делал».

В связи с чтением письма были затронуты и многие другие вопросы. В конце грамоты Никона прочли: «Писася в строении нашем, в Новом Иерусалиме Воскресенского монастыря». Патриархи спросили, зачем он так написал. Никон ответил, что переведено не совсем точно, но хотя у него и написано: «в Новом Иерусалиме», но только намерение и устремление его к Горнему Иерусалиму, где он хотел бы быть священником.

Так в самом конце заседания, которое продолжалось с раннего утра до глубокой ночи, подошли к очень важной теме о Новом Иерусалиме. Но рассматривать ее не стали. Никон сказал царю: «Бог тебя судит; я еще при избрании своем узнал, что тебе, государю, быть добру ко мне только до шести лет, а потом быть мне возненавидимым и мучимым». Царь тут же придрался: «Допросите его, как он то узнал на избрании своем?» На вопрос Патриархов святитель Никон ничего не ответил. Но своим замечанием он дал повод противникам высказаться о себе лично. О том, как это произошло, Шушерин пишет: «Посем же ласкательи и угодницы, паче же рещи, на святейшаго Никона Патриарха клеветницы: Павел митрополит Сарский. Иларion Рязанский, Мефодий епископ Мстиславский пачаша всякия своя ложныя клеветы испущати со всяким дерзновением и неслепыми гласы зияти, ов сие ни иное, и вси вкупе разная кричаща... яко на сие и подущени быша... Яко зсрзи дивни обскачуше блаженнаго Никона, рыкающе и вопиюще... и бесчестно всячески кричаху лающе; прочие же от архиепископов и от прочих священнаго чина никто же ничто не глаголюше. ...Также и царский синклит... ничто не вещающе»¹⁸⁷. В такой обстановке Патриархи сочли за благо закрыть заседание и всем разойтись.

Дальнейшие соборные заседания проходили на редкость бессистемно. Не успев выяснить один вопрос, перескакивали на другие. Но всё же можно выделить то, что главным образом интересовало судей: они во что бы то ни стало старались обвинить Никона в беспричинном, самовольном оставлении патриаршего правления с отречением от сана Патриарха и с клятвой никогда не возвращаться на престол. Об этом говорили многократно. Никон сумел очень убедительно показать, что от сана никогда не отрекался и клятвы не произносил, а сказал: «Не буду больше Патриарх» в том смысле, что не станет править Церковью, пока на нем царский гнев или пока на его место не изберут другого Патриарха, но законно, с его, Никона, участием. Судьи не находили нужных возражений; по всему было видно, что уход Никона действительно был таким, каким его и представлял русский Патриарх¹⁸⁸.

Алексей Михайлович ясно видел, что Никон воспринимает соборный суд над ним как царскую расправу. Самодержец знал, что так это и есть, но ему непременно нужно было скрыть свое давление на Собор, придать делу видимость несприямственности и справедливости. От этого зависел и царский престиж, и законность соборных решений. В один из тех моментов, когда заседание превратилось в беспорядочный поток перебивавших друг друга выступлений против Никона, царь встал со своего места и подошел к Патриарху. Он взял его за четки и, перебирая их, начал говорить с Никонem тихо, так что никто, кроме стоявших рядом монахов — спутни-

ков Никона, ничего не слышал. Царь спросил: зачем Никон перед отъездом на Собор исповедовался, соборовался и причащался, «как бы к смерти готовясь», и тем самым наносил «завор и бесчестие» царю? Патриарх ответил, что действительно ждет от него всяких бед, вплоть до смерти. Царь стал клятвенно уверять, что в мыслях не имел никакого зла на Никона, помня его «многая и неисчетная к дому его и к царнице и к детям благодеяния», когда тот спасал их во время «моровой язвы». Никон, «удерживая государя рукою, тихо рече: благочестивый царю, не возлагай на себя таковых клятв, веру же ми ими, яко имаши навести на мя вся злая и беды и скорби от тебя готовятся нам зело люти», «заже гнев ярости твоея, начатый на нас, хошет конец прияти». Царь еще спросил, зачем Никон писал Патриарху Дионисию «укоры» на него, ибо для него от этого «великий завор», на что Никон заметил, что не следовало на Соборе придавать огласке то, что он писал Дионисию «духовно и тайно»...¹⁸⁹

В достоверности этого рассказа Шушерина, записанного со слов очевидцев — спутников Патриарха, не приходится сомневаться. Они могли передать не со всей точностью слова разговора, но общее содержание должны были помнить хорошо, что подтверждают указания на мелкие, но очень характерные детали, каких выдумать невозможно (царь взял Никона за четки, как бы машинально перебирая их, а Никон касался царя рукой, как бы удерживая от клятв. Это — жесты, оставшиеся от прежних отношений двух близких друзей).

Что же мог означать этот довольно странный, «не судебный» разговор? Алексей Михайлович решил попытаться в доверительной беседе убедить Никона в том, что он, царь, как благодарный друг, не может хотеть никакого зла Патриарху! Но Никон этой игры не поддержал. Прямо и точно он заявил, что именно зла ему царь и хочет и не может не хотеть! Ибо то самое восстание («гнев») царя против Патриарха, которое началось в 1656 г. и явилось главнейшей фактической причиной всего дела. — не случайное чувство, не вспышка страсти; оно имеет очень глубокие основания и не может «конца прияти», удовлетвориться не чем иным, как только полным лишением Никона всякого значения в Церкви! Все дальнейшее вплоть до кончины Алексея Михайловича подтвердило верность этого утверждения.

На Соборе святитель Никон несколько раз пытался подсказать судьям и царю, что они могут обойтись без тяжких препирательств о частностях, заявляя: «Я не отрекался от престола», но «не имею притязания быть опять на престоле», «не домогаюсь вновь патриаршества и теперь иду, куда великий государь изволит: благое по нужде не бывает»¹⁹⁰. Иными словами, только при условии любви и дружбы с царем, а не против его воли (не «по нужде») он, Никон, мог бы оставаться Патриархом; он готов идти в любую ссылку, и нечего больше трудиться над подысканием заведомо предвзятых обвинений. На эти неоднократные предложения Никона никто не реагировал; машина судебной расправы набрала слишком сильный ход, чтобы так просто остановиться. Тогда Никон неожиданно сделал выпад, который должен был если не остановить совсем эту машину, то во всяком случае очень серьезно подорвать у всех доверие к канонической законности суда (оружие канонической «буквы» Патриарх сам обратил теперь против тех, кто избрал его своим единственным средством).

«Слышал я от греков, что на Антиохийском и Александрийском престолах теперь иные Патриархи сидят», — сказал Никон и предложил царю велеть Патриархам Макарию и Паисию засвидетельствовать на Евангелии, что они в настоящий момент действительно являются председателями Антиохийской и Александрийской Церквей¹⁹¹. Собор замер! Вселенские Патриархи сказали: «Мы Патриархи истинные, не изверженные, и сами не отрекались от престолов своих: *разве турки без нас что сделали, но если кто дерзнул на наши престолы беззаконно, по принуждению султана, тот не патриарх, прелюбодей...*».

Казус состоял в том, что когда Макарий и Паисий отправились в Россию для суда над Никонюм, церковные Соборы по указке турецких властей и не без участия Константинопольского Патриарха Неофита и Иерусалимского Нектария действительно лишили Макария и Паисия престолов и избрали на их место других Патриархов. Сведения об этом Макарий и Паисий получили еще при самом въезде в Россию, но *скрыли это обстоятельство от русского правительства!*

Заявление Никона означало: «Вы, называющие себя Вселенскими Патриархами, хотите лишить меня патриаршего достоинства, но ведь вас самих лишили его (!), вас сместили под давлением султана, но сами вы здесь не под царским ли давлением судите меня?!» Все это было прекрасно понято отцами Собора, царем и его синклитом. Особое впечатление произвело при этом то, что в ответ на предложение Никона Макарий и Паисий *отказались* присягнуть на Евангелии в том, что они не изверженные Патриархи.

С этого момента суд над Никоном поспешили закончить. Однако всё дело Алексея Михайловича по созданию видимости справедливого авторитетного «вселенского» суда в корне пошатнулось. Скоро царю пришлось убедиться в том, что святитель Никон сообщил точные сведения. Алексей Михайлович вынужден был ходатайствовать перед султаном, перед Константинопольским и Иерусалимским Патриархами о возвращении Макарию и Паисию утраченных престолов, но безуспешно. Пришлось ему ходатайствовать и о снятии запрещения с Газского митрополита Паисия Лигарида, которое, как выяснилось, было давно наложено на него Иерусалимским Патриархом. По просьбе царя Иерусалимский Патриарх сначала разрешил Паисию Лигарида, но через два месяца снова проклял, будучи убежден в том, что он католик и содомит. Оказалось, таким образом, что главный устроитель судебной расправы и главнейшие судьи в момент Собора не имели канонического права судить Никона! Все основные деятели этого суда кончили жизнь самым несчастным образом: Александрийский Паисий сделался изгнанником, Антиохийский Макарий вскоре умер в турецкой тюрьме, обвиненный в каких-то финансовых преступлениях. Паисий Лигарид был удален из Москвы, но не выпущен из России и умер в киевском монастыре, находясь в заключении, так и не увидев родины и своей митрополии, о которой он, впрочем, меньше всего заботился¹⁹².

Последнее заседание соборного суда состоялось 12 декабря 1666 г. в небольшой Благовещенской церкви Чудова монастыря в Кремле. Никону торжественно вынесли окончательный приговор. Приговор был оформлен в виде грамоты на греческом языке, переведенной на русский, и носил название «Объявление о низложении Никона».

Русскому Патриарху были «объявлены» следующие провинности:

1. Никон сам сложил с себя всё архиерейское облачение среди великой церкви, вопля: «Я более не Патриарх Московский и не пастырь, а пасомый и недостойный грешник»; потом с великим гневом и поспешностью отошел и оставил свою кафедру и вверенную ему паству самовольно, без всякого понуждения и нужды, увлекаясь только человеческою страстию и чувством мщения к некоему члену синклита, ударившему патриаршего слугу и прогнавшему от царской трапезы.

2. Никон, хотя с притворным смиренiem, удалился в созданный им монастырь будто бы на безмолвие, на покаяние и оплакивание своих грехов, но там, вопреки 2-му правилу Собора, бывшего во храме Святой Софии, совершал всё архиерейское и рукополагал невозбранно (именно потому, что от патриаршего сана он не отрекался!), и называл тот свой монастырь Новым Иерусалимом и разные места в нем Голгофью, Вифлеемом, Иорданом, как бы глаумясь над священными названиями, а себя хищнически величал патриархом Нового Иерусалима.

3. Хотя совершенно оставил свою кафедру, но коварно не допускал быть на ней иному патриарху, и государь, архиерей и синклит, понимая это лукавство, не осмеливались возвестить на московский престол иного патриарха (сильное искажение: не Никон, а царь коварно хотел поставить иного патриарха без законного участия Никона), да не будут разом два патриарха: один вне столицы, другой внутри, да не явится сугубое разногласие, что и заставило государя пригласить в Москву восточных Патриархов для суда над Никоном.

4. Анафематствовал местных архиереев без всякого расследования и соборного решения и двух архиереев, присланных к нему от царя, назвал одного Аиною, другого Канафою, а двух бывших с ними царских бояр — одного Иролом, другого Пилатом.

5. Когда был позван нами, Патриархами, на Собор, дать ответ против обвинений, то пришел не смиренным образом (?) и не переставал осуждать нас, говоря, что мы не имеем своих древних престолов, а обитаем и скитаемся один в Египте, другой в Дамаске.

6. Наши суждения, изложенные в свитке четырех Патриархов («томосе» 1663 г. — *Прот. Л.*) против его проступков, и приведенные там священные правила называл баснями и враками; отвергал вообще, вопреки архиерейской присяге, правила всех Поместных Соборов, бывших в Православной Церкви после Седьмого Вселенского Собора (неправда; Никон не признал лишь 13-го правила Перво-Второго Собора в изложении греческого Номоканона), а наши греческие правила с великим бесстыдством именовал еретическими потому только, что они напечатаны в западных странах (это Никон говорил).

7. В грамотах своих к четырем восточным Патриархам, попавших в руки царя, писал, будто христианейший самодержец Алексей Михайлович есть латиномудрееник (неправда!), мучитель, обидчик, Иероваом и Озия.

8. В тех же грамотах писал, будто вся Русская Церковь впала в латинские догматы и учения (неправда!), а особенно говорил это о Газском митрополите Паисии, увлекаясь чувством зависти (?).

9. Низверг один, без Собора (не проверено!) Коломенского епископа Павла и, рассвирепев, совлек с него мантию и предал его тягчайшему наказанию и биснию (не установлено!), от чего архиерею тому случилось быть как бы вне разума, и никто не видел, как погиб бедный: зверями ли растерзан, или впал в реку и утонул (значит, если и были «бисния», то уже в ссылке, не по вине Никона).

«Мы,— писали Патриархи в заключение,— на основании канонів святых апостолов и святых Соборов Вселенских и Поместных, совершенно низвергли его (Никона) от архиерейского сана и лишили священства, да вменяется и именуется отныне простым монахом Никонюм, а не Патриархом Московским, и определили назначить ему местопребывание, до конца его жизни, в какой-нибудь древней обители, чтобы он там мог в совершенном безмолвии оплакивать свои грехи»¹⁹³.

Выслушав эти обвинения, Патриарх Никон, по свидетельству Паисия Лигарида, «подменялся»... И было над чем!

Приговор был вынесен 12 декабря. А затем 13 декабря в приговор вписали¹⁹⁴ и еще одно, десятое, обвинение: «Даже отца своего духовного (Леонид) велел безжалостно бить и мучить целых два года, вследствие чего он сделался совершенно расслабленным, как то мы видели своими глазами, и, живя в монастыре, (Никон) многих людей, иноков и бельцов, наказывал градскими казнями, приказывая одним бить без милости кнутами, других — палками, третьих — жечь на пытке, и многие (?) от этого умерли, как свидетельствуют достоверные свидетели». Никаких свидетелей, кроме Леонид, рассказавшего лишь о себе, не было; о «градских казнях» только за день до этого велено было расследовать «тихим образом»¹⁹⁵ — значит, никто толком не знал о них. Конец — делу венец... А в самом конце судебного «дела» Патриарха Никона оказывается незаконная вставка, мелкий подлог. Это своеобразная печать, как бы знаменовавшая собой несправедливость и подложность всего судебного процесса над русским Патриархом. Зачем всё же понадобилась такая юридическая махинация, если Никон был уже осужден, низвергнут? Инициатива с последним обвинением принадлежала Алексею Михайловичу. Значит, он хорошо понимал, что приговор состоит почти сплошь из неправды, натяжек, преувеличений, искаженных толкований неосторожных слов и поступков Никона, обвинений, основанных на непроверенных, невыясненных данных. А те обвинения, которые вполне соответствуют правде, настолько несущественны, что из-за них незачем было устраивать «вселенский суд» над Никонюм...

Никон был прав, когда говорил, что Вселенские Патриархи творили суд, забываясь лишь о том, чтобы угодить царю. Им руководили корыстные материальные расчеты, о которых они с предельной откровенностью повелили сами в письме к Константинопольскому Патриарху¹⁹⁶. Изведав о суде над Никонюм, Макарий и Паисий писали: «Обретохом же бывшего Патриарха Никона премногим винам должна и повинна, яко досади своими писаньми крепчайшему царю нашему...». Вот, оказывается, какова была первая вина Никона с точки зрения судей! Патриархи почти точно называли основную фактическую причину «дела» Никона — разлад с царем. Только исследовать ее в качестве главного официального обвинения судьи не стали! И вот почему. «Обе и обычной милостыни великому престолу (Константинопольскому.— Прот. Л.) и прочим убогим престолом даишней надежся обновитися: паче же большеи и довольнейшей быть (!). И о том всеми силами тшмися... во еже бы исполнитися оной притче: яко брат братом пособован спасается, и да друзи будут в нуждах полезны», — писали судьи Патриарха Никона.

Письмо Константинопольскому Патриарху и подобное же послание — Иерусалимскому написаны сразу после вынесения приговора и до избрания нового русского Патриарха, т. е. по свежим впечатлениям. Поэтому особый интерес представляет то понимание главных преступлений Никона, какое выражено здесь (с этим пониманием Макарий и Паисий вели весь судебный процесс).

В письме к Патриарху Константинопольскому *первой* виной Никона, как мы видели, указывается «досаждение крепчайшему царю». Второй виной названо то, что Никон «соблазнил пресветлый синклит (придворную знать), укоряя его». Третьей виной Патриархии считают то, что Никон, оставив правление, девять лет держал Церковь «во вдовстве». «Паче же», т. е. более всего (!), повинен Никон, по словам Патриархов, в том, что «по совершенном от престола отречении... паки литургиса и хиротониса, действуя вся приличная архиерейскому достоинству... ругаяся купно священным, искими своими новыми и суетными именованиями, нарицая себе самого, аки сам ся хиротониса, Нового Иерусалима патриархом». Других вин в письме не перечисляется.

Особого внимания заслуживает последняя вина, в которой Никон повинен «паче» всего. Она формулирована почти так же, как и в приговоре, где поставлена вторым:

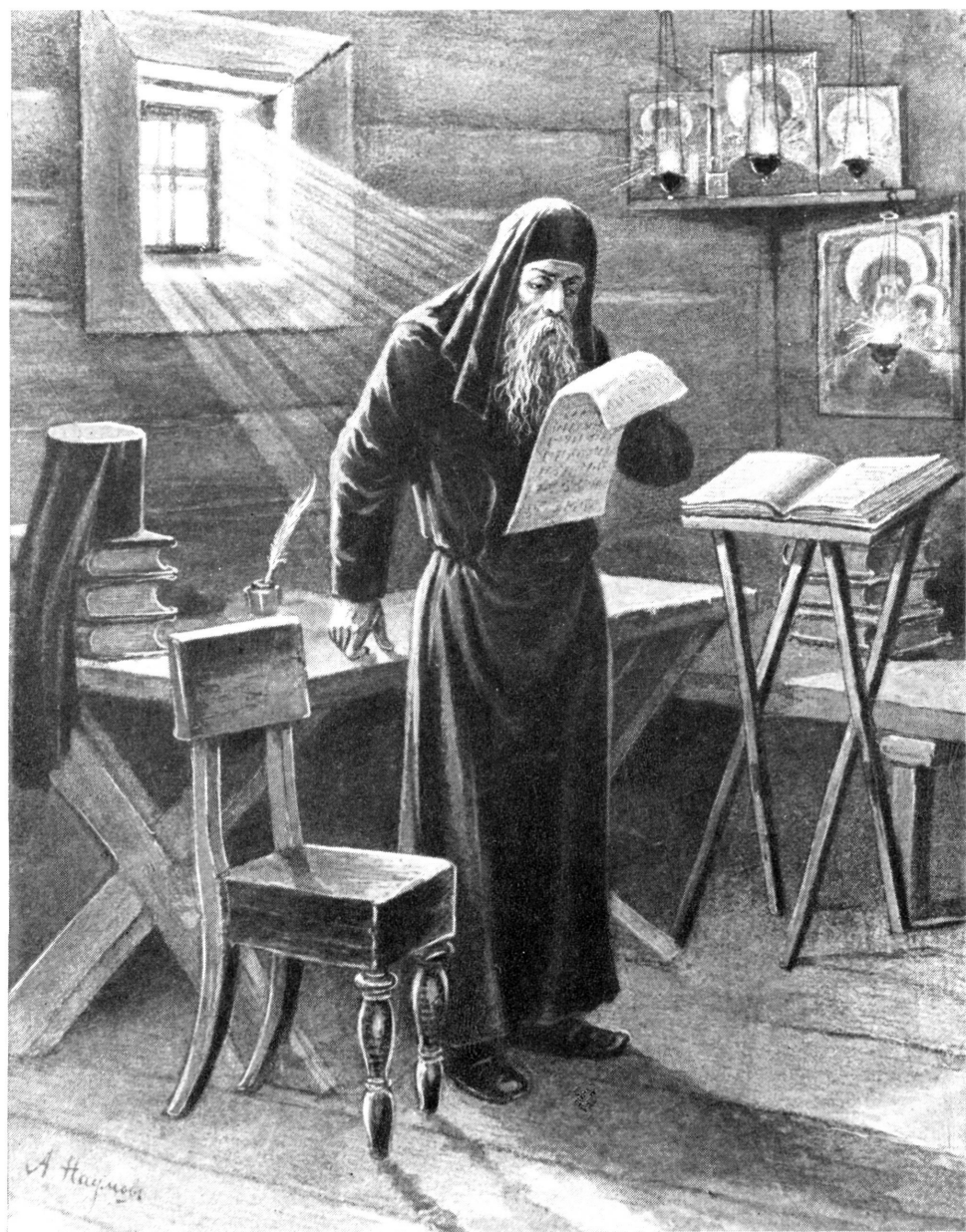
пунктом, и состоит из двух взаимосвязанных частей: 1) отречьшись, продолжал архисрействовать, 2) как «Патриарх» Нового Иерусалима.

В письме к Иерусалимскому Патриарху, как и следовало ожидать, эта вина также указана и подчеркнута, ибо в предвзятом толковании она как бы задевала честь Иерусалимского престола. Однако вина не просто указана, а ей придано решающее значение, и вся мысль Макария и Паисия выражена следующим образом. Они пишут, что обнаружили за Никоном и «вясшие вины», кроме тех, которые рассматривали четыре Патриарха в «томосе» 1663 г., но их не следует «предавать писанию», так как «епископия не имеет в себе что-либо тайно. Едино се довлеет (т. е. довольно только одного главного) яко многая и превеликая быша *внутренняя болезнь* многих лет достойнейшему царю, иже аки от источника изливаше слезы от своих очес, даже земле палаты омочитися ими... ибо в такое приде напыщенные гордостный Никон, якоже сам ся хиротониса *Патриархом Нового Иерусалима*, монастырь бо, его же созда, нарече Новые Иерусалимом со всеми окрест лежащими: именуя Святый Гроб, Голгофу, Вифлеем, Назарет, Иордан»¹⁹⁷. Дальше речь в письме уже идет не о преступлении Никона, а об образе действий Макария и Паисия.

Итак, «внутренняя болезнь» (какое точное выражение!) «достойнейшего царя», которой он мучался «много лет», «изливая слезы», происходила оттого, что *Патриарх Никон своим значением и авторитетом стал возвышаться более царя, особенно в связи с созданием Нового Иерусалима!*. Оказывается, в глубине души судьи прекрасно поняли подлинную суть дела.

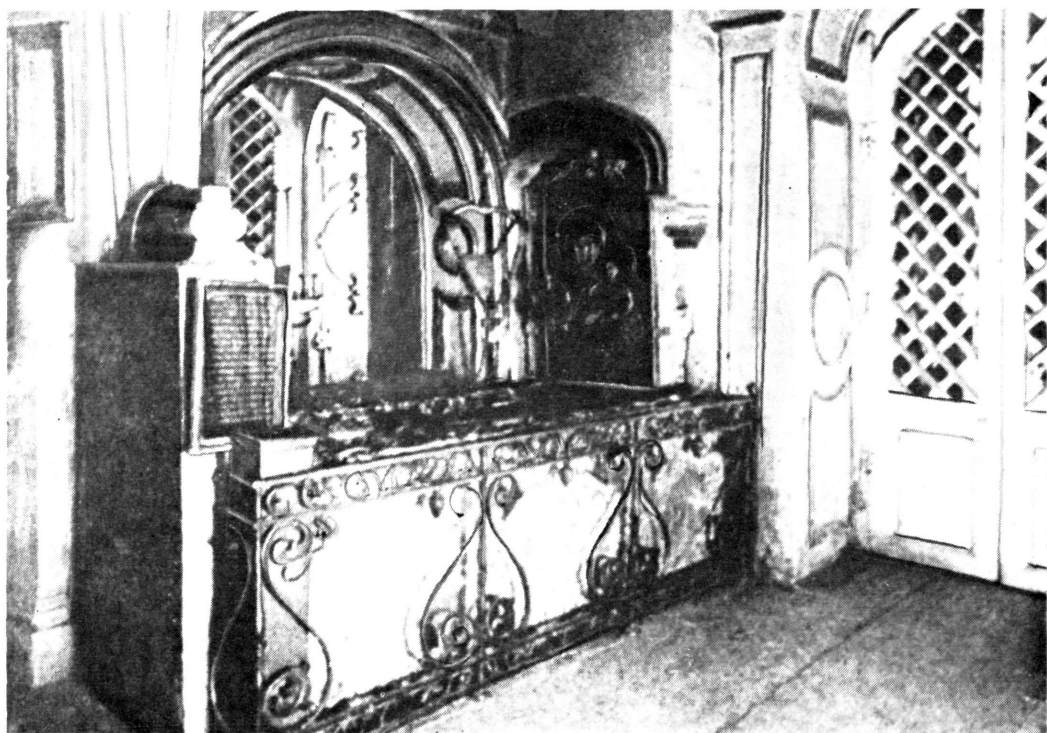
Извержение Никона предпочли сотворить в небольшой церкви Чудова монастыря, подальше от «всенародного множества Российской земли». Укоряемые совестью и боясь народа, они действовали, по словам Никона, «яко татие». А народ волновался и ждал. Несмотря на все влияние официальных правительственных мнений о деле Патриарха и яростные нападки на него приверженцев старообрядчества, каких в Москве тогда было очень много, православный народ любил святителя Никона и болезновал о нем. В день объявления приговора Кремль был заполнен людьми. Выйдя на площадь, Никон промолвил: «О Никоне! Се тебе бысть его ради: не говори правды, не теряй дружбы; аще бы уготовлял трапезы драгоценныя и с ними вечерял, не бы тебе сия приключася...»¹⁹⁸. Санн, на которых повезли Никона из Чудова монастыря, окруженные сильною воинскою стражей, сопровождаемые Спасо-Ярославским архимандритом Сергием, едва двигались в толпе. Из народа обращались к Патриарху взволнованные голоса, он отвечал. Но как только начинал говорить, Сергей запрещал: «Молчи, Никоне!» Никон передал эконому Воскресенского монастыря: «Скажи Сергию, если он имеет власть, пусть придет и зайдет мне рот». Эконом исполнил поручение, назвав Никона «Святейшим Патриархом». Сергей закричал: «Как ты смеешь называть Патриархом простого чернеца!» Тогда из толпы раздался голос: «Что ты кричишь? Имя патриаршее дано ему свыше, а не от тебя, гордого!». Смелыя тут же схватили и отвели «куда следует»¹⁹⁹. В покои к Никону пришли от царя и принесли меха, деньги и дорогую шубу. Никон не принял даров. Ему передали, что царь просит себе и своему дому благословения (?). Никон благословения не дал. Время до отъезда он провел в молитве, читая «Толкований Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла» и беседах с близкими. «Боящеся народного возмущения», власти нарочно пустили слух, что низложенного святителя повезут через Спасские ворота на Сретенку. Толпа хлынула в Китай-город. Тогда отряд стрельцов в 200 человек быстро вывез Никона через Арбатские ворота на Каменный мост. У земляного города усиленная охрана сменилась отрядом в 50 человек под командой полковника Аггея Шепелёва, и Никона не просто повезли, а помчали в Ферапонтов монастырь на Белоозеро, где и назначено было ему место заточения. С Никоном добровольно поехали в ссылку иеромонахи Памва, Варлаам, который стал духовником Патриарха, периоднаконы Маркелл и Мардарий, монахи Виссарион и Флавиан. Поехали бы и многие другие, но правительство разрешило лишь нескольким человекам.

Никона осудили. Но этим не решилась важнейшая проблема, возникшая в связи с его «делом»: кто «реболе» в делах церковных — царь или Патриарх? 14 января 1667 г. в патриарших палатах состоялось заседание Собора для подписания акта о низложении Никона (вот когда собрались подписывать документ, на основании которого уже низложили и сослали Патриарха!). Текст этого документа был составлен согласно «томосу» 1663 г. и содержал некоторые выдержки из него. В частности, из «томоса» было заимствовано то место, где говорилось, что всеми «благоугодными» делами владычествовать подобает одному государю, «Патриарх же должен быть ему послушен», как лицу, находящемуся «в вясшем достоинстве» (по сравнению с Патриархом!?) и являющемуся «местником (наместником?) Божиим...»²⁰⁰. Русские архиереи увидели в этом унижении патриаршего достоинства то же, что видел и Никон и о чем с такой скорбью и болью свидетельствовал всему свету, — незаконное превозно-

Патриарх Никон в ссылке в Ферапонтовом монастыре

К ст. протоиерея Льва Лебедева «Патриарх Никон».
сс. 139—170

Гробница Патриарха Никона в Воскресенском соборе
Новоиерусалимского монастыря

К ст. протоиерея Льва Лебедева «Патриарх Никон»,
сс. 139—170

шение царской власти над церковной, стремление царя своевольно управлять церковными делами. Как только акт о низложении Никона был прочитан, Павел Крутицкий и Иларион Рязанский, поддержанные рядом архиереев, отказались подписывать его, выразив решительное несогласие с учением о царской и патриаршей власти. Оба они, к великому удивлению царя, Патриархов и синклита, демонстративно покинули Собор.

Патриархи поспешили закрыть заседание, предложив архиереям обсудить на дому вторую главу «томоса», откуда было взято указанное место, и представить свои соображения. 16 января было собрано второе заседание по одному этому вопросу. Часть архиереев составили записки, где доказывалось превосходство епископского сана над царским. Но нашлись и такие, которые отдали предпочтение царской власти. Сначала читали записки первого рода. В них содержались яркие, убедительные цитаты о высоте и величии священного сана из творений святителей: Иоанна Златоуста, Епифания, Григория Богослова, Григория Двоеслова и других. Превосходство епископского сана перед любым мирским было так ясно выражено у святых отцов, что мысли сторонников иной точки зрения бледнели и выглядели определенно ошибочными. Тогда «защищать» приоритет царской власти взялся Паисий Лигарид. Вот когда ему особенно потребовались его демагогические способности. Он разглагольствовал часами (!), никем не останавливаемый. Паисий давал свои искаженные толкования святоотеческой мысли, стараясь преуменьшить ее силу в определении высоты священства, вспоминал историю Царств Иудейского и Израильского, но особенно упирал на ту высоту императорской власти, какая была свойственна языческому Риму, древнему Египту и другим великим языческим империям древности!..

С раннего утра до позднего вечера шло это заседание. Все устали. Вопрос о «царском служении» был отложен на следующий день. 17 января собрались вновь. Лигарид произнес длиннейшую речь в пользу приоритета царской власти во всех областях жизни, в том числе и в церковной. Он основательно «подкреплял» свои доводы... пламенными похвалами лично Алексею Михайловичу, перечислял его победы, его заботы о Церкви, благочестие, призывал всех молиться за него (как будто русские архиереи недостаточно молились за царя!)... Лигарид брал измором. Заседание опять затянулось до ночи.

В ночь на 18 января Павел Крутицкий и Иларион Рязанский, не принимавшие участия в прениях, тайно подали Вселенским Патриархам особое послание, разъясняющее их позицию, где, в частности, говорилось: «Вы находитесь под властью неверных агарян, и если страдаете, то за ваше терпение и скорбь да воздаст вам Господь. А мы, которых вы считаете счастливыми, как живущих в православном царстве, мы трикратно злополучны: мы терпим в своих епархиях всякого рода притеснения и несправедливости от бояр, и хотя большею частью стараемся скрывать и терпеливо переносить эти неправды, но *ужасаемся при мысли, что это зло с течением времени может увеличиваться и возрастать, особенно если будет утверждено за постоянное правило, что государство выше Церкви. Мы полне доверяем нашему добродушному и благочестивейшему царю Алексею Михайловичу, но мы опасаемся за будущее»*²⁰¹.

Итак, дело, за которое всю жизнь боролся Патриарх Никон, оказалось подхвачено его самыми главными врагами... Трудно представить более яркое свидетельство правоты этого дела! Мысли Павла и Илариона были настолько искренни, убедительны и прозорливы, что не могли не оказать влияния на Вселенских Патриархов, тем паче, что эти мысли принадлежали не сподвижникам «гордого Никона», а его врагам. Так обнаружилось, что борьба с притязаниями царской власти на господство в церковных делах происходила не от «папистских» замыслов Никона, мечтавшего о некоей теократии; она была *выражением соборной воли и соборного сознания Русской Православной Церкви, стремлением оградить Церковь и духовную жизнь России от абсолютистских посягательств царского самодержавия*.

Получив это послание, Вселенские Патриархи той же ночью вызвали к себе Паисия Лигарида. Он опять пустился в лицемерную демагогию о превосходстве царской власти. Его выслушали, но выводы сделали на сей раз свои собственные.

На следующий день, 18 января 1667 г., состоялось новое, третье, заседание Большого Собора, посвященное вопросу о царской и церковной власти. Были прочитаны новые записки архиереев, выслушаны длиннейшие разглагольствования Паисия Лигарида, пересыпанные похвалами царю Алексею Михайловичу. Последнее слово предоставлялось Вселенским Патриархам. Они изрекли: «Пусть будет заключением и результатом всего нашего спора мысль, что царь имеет преимущество в политических делах, а Патриарх — в церковных». По словам Паисия Лигарида, «все рукоплескали и зывали: «Многая лета нашему... государю, многая лета и вам, святейшие Патри-

архи»²⁰². После этого Павел Крутицкий и Иларион Рязанский подписали соборное деяние о низложении Патриарха Никона.

Такое решение получил на сей раз этот исключительной важности русский спор. Нельзя не отметить, что это был более компромисс, своего рода дипломатический маневр Вселенских Патриархов, чем серьезное решение. Как уже отмечалось, до тех пор в православной России, по естественно сложившейся практике жизни, великий князь (или царь) преимущественно нес ответственность за мирские «политические» дела, а митрополит (или Патриарх) — преимущественно за дела церковные, но оба они в конечном счете были ответственны за всё и всё решали в совете и согласии друг с другом (в едином православном обществе иначе и быть не могло!). Хотя формула Собора 1667 г. довольно удачно выражалась о «преимуществах» царя в политических делах, а Патриарха — в церковных, но, не воспользовавшись утверждением об их единстве и всеобщей ответственности за всё, создавала опасность разделения, рассечения единой русской общественной жизни (где церковность была «полнотою Наполняющегося вся во всем») на две сферы или части. В последующей истории это сказалось очень пагубными последствиями, приведшими при Петре I к полному расколу духовной жизни всего общества. И тем не менее даже такое решение Собора 1667 г. явилось победой Никоневского дела: царь лишился возможности самовольно управлять церковными делами!

Собор вынес также еще одно важное постановление: «Архиреев, архимандритов, игуменов, священников и диаконов, монахов и инокинь, и весь церковный чин и их людей мирским людям ни в чем не судить, а судить их во всяких делах архиереем, каждому в своей епархии, или кому повелят от *духовного чина*, а не от мирских»²⁰³. На основании этого постановления Алексей Михайлович, хотя и не сразу (как бы нехотя), вынужден был упразднить «Монастырский приказ». Это также явилось большой победой Патриарха Никона, столь много сил и лет отдавшего борьбе против этого учреждения, как оно было определено Уложением 1649 г.

Никон лишился сана, власти, земного благополучия, но его борьба против поповщины монархии самочинно управлять делами Церкви увенчалась полным успехом! Расправа лично над Никонем явилась как бы той «данью», которую нужно было за это заплатить, и Никон ее заплатил!

ТРИУМФ ПАТРИАРХА НИКОНА

*«Клевету, изгнание и труд
Великодушно понес муж мудр,
Святитель Божий избранный,
За труд свят Богом знаменанный».*

Надпись на стене придела, где похоронен Патриарх Никон

21 января 1667 г. Никон был доставлен в Ферапонтов монастырь. Первое время он, естественно, анализировал и особенно остро переживал всё, что произошло. Вспомнивая слова апостола Павла о «последних посланниках», которым «Бог судил быть как бы приговоренными к смерти» (1 Кор. 4, 9—13), Никон пишет царю в июне — начале июля 1667 г.: «Аще и о себе таковое помышляю, истину глаголю, яко вся сия на мне сбышася». Он говорит, что хотя и страдает в условиях ссылки, но признаёт телесные страдания весьма полезными: «Елико внешний человек озлобляет(ся), тотлико внутренний обновляется, только бы не во твое царство сие сбылося, но в чужде незнаемо... зане не добра тебе великому царю государю похвала... Аз убо, о царю, не точию страдати всезволю, но и умерти готов есмь правды ради, только бы не во твое царство...». Никон также решительно заявляет о несправедливости суда: «Всё у них (судей.—Прот. Л.) неправедно писано... всё было до суда изготовлено... А судьи все дремали да спали, а писал (т. е. вел протокол.—Прот. Л.) неведомо какой человек, что ты, великий государь, прикажешь; а что писал, того никто не слышал»²⁰⁴.

Русский народ сразу же воспринял осуждение Патриарха как несправедливую расправу над ним царского правительства. Отчасти мы уже видели это на примере проводов низложенного святителя в Кремле. Даже путь его в ссылку сопровождался выражениями особой народной любви к нему²⁰⁵.

С конца июля 1667 г. к Никону в Ферапонтов монастырь начинают во множестве приезжать и приходить посетители: посадские люди разных городов, жители Каргополя, Белоозерской земской избы староста и кружечный голова, монахи и монахини

различных монастырей, в том числе и Новоперусалимского²⁰⁶. В Ферапонтове Никон ходил на богослужение в Богоявленскую падрвратную церковь. Там служили для него иеромонахи Новоперусалимского монастыря. На всех сктениях они величали Никона Патриархом. Сам он также подписывался только этим титулом. Но удивительней всего то, что и все многочисленные посетители — не только монахи, но и миряне разного чина — подходили к нему под благословение и называли Патриархом! Народ менял соборное «низложение» ни во что.

Никон продолжал в ссылке исполнять правило Анзерского скита и жить, как всегда жил, в соответствии с нормами деятельного монашеского подвига. Ему были отданы пустоши, на которых он с «братней», трудясь своими руками, вырубил лес, распахал землю и завел огороды. На озере он занимался рыбной ловлей, ставил садки и часто сам их вынимал. Отношение к внешней деятельности у Никона было обусловлено духом и смыслом духовного подвига. Здесь всякая внешняя деятельность, ручной труд, созидание, творчество — не суета, как в миру, а органически составная часть молитвенного служения Богу — Богоделание. В нем всё внешнее, трудовое освящается внутренним, духовным и становится священным, святым, подобным молитве и Богослужению. В духовном подвиге тем самым все внешние виды человеческой деятельности обретают высший смысл, воцерковляются, им возвращается их изначальное теургическое значение. Патриарх Никон явился ярким исповедником такого воцерковления внешней, трудовой жизни человека, в которой земное творчество оказывается началом и предвосхищением вечного творческого соработания Богу, ожидающего человека в Царстве Небесном, где ему вновь вернется великое первоначальное предназначение — «наследовать землю и господствовать ею», «возделывать» ее (Быт. 1, 26, 28; 2, 5). Никон часто повторял, имея в виду внешнюю деятельность: «Проклят всяк, делающий дело Божие с небрежением». Он спорил со строителями своих новых келлий, с приставами, с властями Ферапонтова по поводу самых разных житейских дел. С обычной своей основательностью он вникал в подробности быта своих сподвижников по ссылке. Даже в «заточении» Никон не унывал, а жил разносторонней и бодрой жизнью, какой жил всегда.

Ничто, кажется, не могло угасить его энергии. Озеро близ Ферапонтова оказалось без острова. И Никон живо решается исправить этот «недостаток» природы (он ведь всю жизнь тяготел к островам!). Работая сам, он со своими монахами начинает возить с берега камни, высыпая их на глубину двух сажен (свыше 4 метров). Так постепенно среди озера возникает остров в 24 м длины и 10 м ширины. На этом острове Никон сооружает большой каменный крест со следующей надписью: «*Никон, Божией милостию Патриарх, поставил сей крест Господень, будучи в заточении за слово Божие и за Святую Церковь, на Беле-озере в Ферапонтове монастыре в тюрьме*». Зимой по замершему озеру мимо этого креста проходила дорога и всяк проезжающий мог прочесть это в высшей степени замечательное свидетельство! Подобные же надписи были сделаны на всех келейных столовых сосудах Никона²⁰⁷.

С убежденностью, ясно выраженной в этих надписях, Никон терпел все невзгоды своей неволи. А терпеть приходилось многое. Против него часто возбуждались различные «дела», иногда чисто клеветнические, иногда с некоторым основанием. Никон не переставал надеяться на скорое освобождение из ссылки. «Сказывал мне Наумов (царский пристав. — Прот. Л.), — говорил он в декабре 1668 г., — что меня великий государь пожалует, велит взять в Москву скоро, выманил у меня Наумов великому государю и его дому прощение и благословение тем, что государь меня... велит из Ферапонтова освободить и все монастыри мои отдать»²⁰⁸. Вот в чем состояли в то время подлинные желания Никона. Он всё еще не оставлял мысли о создании своеобразного монастырского «острова» в Церкви с центром в Новом Иерусалиме.

Однако обстоятельства не благоприятствовали святителю. Правительство донесло о том, что в 1668 г., весной, к Никону приходили «воры донские казаки» «в монашеском платье» и имели с ним тайные беседы, говоря: «Нет ли тебе какого утешения: мы тебя отсюда опростаем». Доносили, что, по словам Никона, казаки приходили к нему еще в Воскресенский монастырь с предложением, «собрать вольницу», «посадить его на патриаршество по-прежнему». Некий монах Пров донес также, что Никон хотел бежать из заточения и обратиться за помощью к народу. Кроме того, царю сообщали, что митрополит Иконыйский Афанасий, находившийся в России, писал Никону о новом Соборе, который должен быть созван в Москве по требованию Константинопольского Патриарха с целью оправдать Никона.

В Ферапонтов послакали царские посланники. В монастыре были усилены караулы, Никону запретили выходить из келли. Что же все-таки происходило между Никоним и восставшими разинцами? Никон впоследствии утверждал, что о Разине ничего не знает. Но к нему, по его словам, действительно приходили в Ферапонтов три казака: «Федька да Евтюшка, а третьего позабыл, как звали». Они явились под видом па-

ломников на Соловки: на самом же деле «приходили они для меня,— сообщал Патриарх,— собравшись нарочно, взять меня с собою, пришло их двести человек; Степана Наумова хотели убить до смерти, Кириллов монастырь разорить и с казною его, запасами и пушками хотели идти на Волгу; но я на ту их воровскую прелесть не поддался, во всем отказал, от воровства («воровством» тогда называлось политическое преступление.— *Прот. Л.*) их унял и с клятвою им приказал, чтоб великому государю вины свои принесли, и они пропали неведомо куда»²⁰⁹. На вопрос, почему Никон тогда же не донес об этом посещении и не задержал этих троих, Патриарх ответил, что «боялся, чтобы смуты не учинить, а обороняться от них было нечем». К государю же Никон будто бы тогда писал о казаках и говорил о них приставленному к нему архимандриту Носифу. Но царю Никон «тогда» ничего не писал, а Носифу сказал гораздо позже; он явно покрывал казаков, хотя и не приняв их предложений.

Когда войско атамана Уса 11 мая 1671 г. казнило святого Носифа, митрополита Астраханского, присутствовавшего на Соборе против Никона, казаки не решились убить его в святительских облачениях. Стали подталкивать духовенство: «Снимайте с митрополита сан! Он снимал же с Никона Патриарха сан»²¹⁰. Носиф не снимал с Никона «сан», т. е. знаков архиерейского достоинства, это сделал Александрийский Патриарх. Но интересное преломление «дела» Никона в сознании взбунтовавшихся людей: они были убеждены в несправедливости суда над Патриархом.

Всё это говорит о том, что Никон пользовался огромным уважением, так что царское правительство не без оснований опасалось народного выступления в защиту низложенного Патриарха. Народ любил его, и за эту любовь Никону пришлось заплатить очень дорого.

Проходили 1669-й, 1670-й, 1671-й годы, а он всё находился затворником в келье. Тогда Никон решился предоставить царю как бы некое основание, которое, «облегчая» совесть Алексея Михайловича, давало бы ему возможность облегчить и участь заключенного друга. К Рождеству 25 декабря 1671 г. Никон написал царю письмо²¹¹, в котором всю вину за уход от правления, за обличения царя, за отказ от его милости и за всё то, в чем он ранее обвинял царя, брал теперь на себя, говорил, что умышленно «досаждал» царю, «раздражал» его, и во всем этом просил прощения «Господа ради» и «ради Христова Рождества»... Патриарх сообщал царю о своем крайне тяжелом состоянии и слабости здоровья: «И есмь ныне болен и паг, и бос; ...руки болны, левая не подымается; очи чадом и дымом выело, и есть на них бельма; из зубов кровь идет смердящая; ...ноги лухнут и сего ради не могу церковного правила править...» и обращался с просьбой: «Сего ради молю и тебе, великого государя, прошу, ослаби ми мало, да почую, прежде даже не отиду... и посему единому другое прошу, еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего и зрети ми красоту Господню, и посещати храм святой Его». О каком «дому Господни» и «храме святом» говорил Никон в этом письме, стало ясно из следующего.

В январе 1672 г., т. е. очень быстро по получении письма Никона, в Ферапонтов прибыл царский посланец Иларион Лопухин. От имени государя, назвав Никона «святым и великом отцом», он передал царский ответ: «С начала дела соборного и до соборного деяния всегда он, государь, желал умирения, по этого не учинилось, потому что ты хотел в Московском государстве учинить новое дело против обычая (т. е. по обычаю, по примеру.— *Прот. Л.*) Вселенских Патриархов, как они сходили с престолов. А теперь государь всякие враждотворения паче прежнего разрушить и во всем примирения с любовью желает и сам прощения просит»²¹². Никон в беседе сказал послу: «Я своего прежнего сана не взыскую, только желаю великого государя милости... Великий государь пожаловал бы меня, веле быть в Воскресенском монастыре или в другом каком моего строения, лучше в Иверском... лета мои не малые, постигло ученье, а призреть меня стало некому; да пожаловал бы государь, простил всех, кто наказан из-за меня».

Итак, Никон уже не просит владения всеми своими монастырями, ему хочется лишь жить в одном из них, а точнее — в Новоперуславском... Однако этой просьбы царь не исполнил! Никону была лишь вновь предоставлена относительная свобода действий в Ферапонтовом монастыре. Здоровье Патриарха оказалось уже безнадежно подорванным. Он не мог трудиться физически, как раньше. Но Господь утешил его. Однажды во сне Никону был глагол Божий, повелевающий лечить болящих. Патриарх принялся за дело со всей свойственной ему обстоятельностью и тщанием. Он изучил «Лечебник» (или «Травник»), привезенный ему в свое время «из Персиды» и переведенный с латинского на греческий, а с греческого на русский, установил связи с московскими аптеками, откуда ему доставляли некоторые лекарства (деревянное масло, росный ладан, скинндар, траву чечуй, целбоху, зверобой, нашатырь, квасцы, купорос, камфару и т. д.). Никон лечил молитвой, святым елеем, святой водой, применяя и

лекарственные средства. С 1673 по 1676 гг. им было исцелено от различных болезней 132 человека, в основном — крестьяне, из них 68 мужчин, 53 женщины и 11 младенцев.

После смерти 3 марта 1669 г. царицы Марии Пльиничны Алексей Михайлович женился второй раз. Еще успели появиться от второго брака дети, прежде всего знаменитый Петр, по дню царя были уже сочтены... Думал ли он о приближении смертного рубежа? Старался ли переосмыслить свои отношения с Никоном? Во всяком случае милостиво царь, его сестры, новая жена стали присылать богатую. Последний раз с Козьмой Лопухиным были присланы: «40 соболей дорогих да мех соболный лис, денег 500 рублей и серебряной посуды немало, пищи и пития изобильно»²¹³. Козьма еще находился в Ферапонтове, когда прискакал его брат Феодор Лопухин с печальной вестью: в ночь с 29 на 30 января 1676 г. скончался царь Алексей Михайлович. На 47-м году жизни...

Для Никона это явилось настоящим ударом. Скорбя о кончине Алексея Михайловича, Никон плакал и о том, что вынужден теперь перенести свой спор с другим царем за пределы земной сферы бытия, на суд Божий. «Аще бо zde с нами прощения не получи, в страшное пришествие Господне судитися имамы», — говорил он со слезами. Лопухин стал просить Никона написать прощение Алексею Михайловичу. Никон ответил: «Мы, подражая Учителю своего Христа, реченное во Евангелии святом: оставляйте и оставится вам; аз же ныне глаголю: Бог его простит, а на письме не учиню, нам бо он при жизни своей из заточения сего свободы не учинил»²¹⁴. В самом деле, письменное разрешение выглядело бы неким официальным каноническим актом, на который Никон, как низложенный Патриарх, не мог пойти, пока законно не восстановлена справедливость и ему не возвращено патриаршеское достоинство.

Российский престол наследовал Феодор — тринадцатилетний сын Алексея Михайловича. Пользуясь малолетством государя, новые фавориты при дворе начали с особой быстротой разделяться со старыми. Сказался этот процесс и на положении Никона. Сразу оживились все его враги. Патриарху Иоакиму и царю последовали доносы с исепыми обвинениями Никона в самых ужасных преступлениях. Достаточно представительная и достаточно враждебная Никону комиссия, отправленная в Ферапонтов монастырь, не нашла подтверждения ни одному из этих ужасов. Свидетели показали, что «у Никона ничего дурного не было»²¹⁵. Однако самым «ужасным», с точки зрения властей, явилось то, что Никон называет себя даже в документах и письмах Патриархом, а Иоакима Патриархом не признаёт и не молится о нем в уставных прошениях, что он поставил кресты с надписями о своем заточении «за слово Божие и за Святую Церковь»... Этого было достаточно, чтобы резко ухудшить положение Никона. В июне 1676 г. его перевели в Кириллов Белозерский монастырь под строжайший надзор, поместили в тесных угарных кельях, отчего он едва не умер. Все кресты с надписями были уничтожены, с металлических сосудов надписи соскоблены. Всех монахов — спутников Патриарха разослали в заточение в дальние монастыри. Лишившись друзей, лишившись возможности и физических сил для деятельности, Никон приручил диких лебедей и голубей, которые слетались к его келье, и из всех земных утешений единственным для него стали эти небесные птицы.

Великий святитель оканчивал свою жизнь так же, как начинал, — в страданиях от несправедливости и злобы мира сего. Это «рамки» его земного существования. Этим отчасти объясняется особая острота той устремленности его души к Небесному Иерусалиму, к Горнему вечному миру, где «скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними... И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет...» (Откр. 21, 3—4). Стремление к Царству Небесному находило свое естественное отражение в последние годы жизни Никона в его особом тяготении к своему Новому Иерусалиму. Шушерин свидетельствует, что Никон «непрестанное пощение имел... о обители Воскресенской, о церкви святей, юже сам основа и не навершил, вельми бо жалел о том и Бога моля непрестанно, яко дабы ему паки во обители Воскресенской быти и навершити каменную великую церковь...»²¹⁶.

Прошло два года. Царь Феодор Алексеевич мужал, становился способным к восприятию глубоких истин. Наибольшее влияние на него оказывала тетка — царевна Татьяна Михайловна. Она была старшей в царской семье, славилась особой духовностью и благочестием и являлась давней и верной почитательницей Патриарха Никона. Она много рассказывала юному царю о той необыкновенной дружбе, которая связывала его отца с Никоном, о том, как много сделал Патриарх для их семьи, когда спасал от эпидемии, как эти отношения были нарушены злыми людьми, как был несправедливо осужден и заточен великий святитель. По особенное впечатление произвели на Феодора Алексеевича вдохновенные рассказы тетки о Новом Иерусалиме. Он пожелал сам посмотреть его. И когда в первый раз 5 сентября 1678 года царь

увидел грандиозное здание, обошел монастырь, еще раз послушал рассказ Татьяны Михайловны, пояснявшей, насколько было возможно, величие замысла Патриарха Никона об этом месте, то всей душой прилепился к Новому Иерусалиму! Он стал приезжать туда часто. С 1678 по 1680 гг. Федор Алексеевич был здесь пять раз. Он молился за службами на Голгофе, жил по несколько дней в монастыре, молча ходил всюду, смотрел, думал и проникался благоговением перед величием человека, начавшего создавать столь замечательное сооружение.

Новый Иерусалим начал теперь вырывать своего основателя! Судьба Никона стала решаться в связи с решением судьбы его творения. По указу государя строительство Воскресенского монастыря было возобновлено. Царь лично проверил, всё ли в богослужении исполняется здесь по уставу Патриарха Никона, и, обнаружив, что устав забыт, повелел восстановить его, записать и строго соблюдать всё так, как было при Патриархе Никоне. Сначала в 1679 г. из ссылки были возвращены все приближенные Никона, в том числе И. Шушерин. Он был взят Татьяной Михайловной во дворец и сделана ее «крестовым дяком» (всадил имуществом ее домовую церковь). Здесь он получил возможность пользоваться подлинными документами о Патриархе Никоне для написания его жития, стал участником и очевидцем многих дальнейших событий.

2 декабря 1680 года Федор Алексеевич в пятый раз посетил Воскресенский монастырь и обратился к архимандриту и старцам («возсия бо свыше на него Солнце правды Христос Бог наш») со следующим предложением: «Аще хотите, да взят будет семо Никон Патриарх, наченный обитель сино... дадите мне прошение о сем за своими руками, сиречь челобитную, и Бог милостивый помощь подаст и то дело исправится»²¹⁷. Братия «вси единодушно написаша государю прошение».

Федор Алексеевич показал прошение Патриарху Иоакиму, сказав и о своем желании вернуть Никона в Воскресенский монастырь. Иоаким отказался поддержать это намерение, ссылаясь на то, что Никона осудил Собор во главе с Вселенскими Патриархами, и потому одни русские архиереи не могут изменить этого решения. Опечаленный царь всё же решил утешить Никона и написал ему собственноручное письмо, в котором ободрял узника и обещал непременно пересмотр его дела и освобождение. Царь писал, в частности, что «от многих» слышит, что Никон «премудр бе зело и Божественного Писания списатель, и истинный рачитель и поборник по святей непорочной вере, и хранитель святых Божественных догматов»²¹⁸. Такова характеристика Никона его друзьями-единомышленниками.

Никон тем временем угасал. Архимандрит Кириллова монастыря Никита в середине 1681 г. извещал Патриарха Иоакима, что Никон «вельми изнемогает и близ смерти», что он принял схиму, не благоволив «переменити имени». Никита спрашивал, как и где похоронить узника. Иоаким, не сообщив ничего царю, ответил, чтобы похоронили, «якож и прочим монахом бывает», и погребли на паперти церкви в Кириллове монастыре. Случайно узнав об этом, Федор Алексеевич приказал Иоакиму немедленно вернуть свое письмо, но тот ответил, что поздно, письмо уже отправлено в Кириллов. А Никон в те же дни из последних сил сам написал письмо в Воскресенский монастырь: «Благословение Никона Патриарха сыном нашим: архимандриту Герману, и перомонаху Варлааму, монаху Сергию, монаху Ипполиту и вкупе всей братии! Ведомо вам буди, яко болен есмь болезнию великою, вставать не могу, на двор выйти не могу ж, лежу в гионщи... умереть мне будет внезапно. Пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости, побейте челом о мне великому государю; не дайте мне напрасною смертию погибнуть; уже бо моего жития конец приходит...»²¹⁹.

Получив это послание, братия Нового Иерусалима «исполнились плача» и немедленно передали письмо государю. Тот срочно собрал Собор, синклит, зачитал письмо Никона. Все единодушно высказались за его возвращение. Иоаким на сей раз согласился. За Никоном тут же отравили посланных во главе с дяком П. Ченелевым (а в ссылку Никона отправлял, между прочим, пристав по фамилии Шпелев).

Для за два до его прибытия Никон вдруг начал оживать и готовится в путь, делая это неоднократно. Окружающие «мняху, яко в скорби и в беспамятстве сия творит». В самый день приезда царских гонцов Никон с утра начал собираться, всдел одеть себя в дорожную одежду, вынести в креслах на крыльцо и сказал своим людям: «Аз готов есмь, а вы чело ради не убираетесь, зрите вскоре бо по нас будут». Но люди думали, что он говорит это по болезни. Можно представить себе их удивление, когда тотчас в Кириллов прибыло царское посольство с приказом: «Блаженного Никона» возвратити со всяким тишанием в Воскресенский монастырь! Патриарх с великим трудом встал, выражая благодарность государю, и снова опустился в кресло.

Тяжело больного Никона решили везти по рекам на стругах. Двинулись в путь сначала по Шексне, а затем по Волге. И вот тогда началось нечто необычайное! Из

городов и сел, никем не призываемый, встречать Никона повалил народ. Люди несли своему Патриарху кто что мог из съестных припасов и дорожных вещей, подходили под благословение, бежали со слезами далеко по берегу, провожая печальные струги. Утром 16 августа достигли Толгского Богородицкого монастыря в шести верстах от Ярославля. За полверсты от обители Никон велел остановиться. Силы покидали его. Он исповедался и причастился Святых Таин из запасных Даров Великого Четверга. Затем доплыли до монастыря, из которого навстречу вышел игумен со всей братией. Среди них оказался бывший архимандрит ярославского Спасского монастыря, а ныне ссыльный монах Сергей, тот самый, который особенно усердствовал в поношении Никона во время его осуждения. Никон тогда предсказал ему бесчестие и ссылку, что в точности и исполнилось. В тот день, 16 августа, Сергей после литургии прилеп в келье отдохнуть и, едва уснув, увидел Никона, будто вошедшего к нему и сказавшего: «Брате Сергею, восстань, сотворим прощение!» Тут же проснувшись, Сергей услышал стук в дверь; монастырский сторож сообщил ему, что по Волге сюда приближается струг с Патриархом Никоном. Теперь Сергей, увидев тяжело больного Никона, заплакал, припал к его ногам, со многими умильными словами, вопия: «Прости мя, святыне Божий, яко всех сих поношений на тя, яже понесл еси, повинен аз, досаждая и всякую злобу святыни твоей во время изгнания твоего творя, угождая Собору!» Никон простил его и благословил.

Когда подплыли к Ярославлю, город загудел. Жители во множестве устремились к реке Коростин, где у монастыря Всемилостивого Спаса остановились струги с Патриархом. Видя его в таком состоянии, люди «с плачем великим и рыданием» бросались в воду, припадали к руке и ногам святителя, прося прощения и благословения. Одни по берегу, другие по пояс в воде продвигали струг, на котором возлежал Никон. Воевода Ярославля со множеством народа, архимандрит Спасского монастыря с братией своей обители и духовенством города пришли к Никону выразить свою любовь, сострадание, получить благословение. От крайней слабости Никон уже не мог благословлять, люди сами прикладывались к его руке (а ведь официально Никон был простой монах!). Собралось так много народа, что, ввиду тяжелого состояния святителя, решили перевезти струги с ним на другой берег.

Спускались сумерки. В городе заблаговестили к вечерне. Блаженный Никон начал «конечие изнемогати и озирается, яко бы видя неких пришедших к нему; такожде своим руками лице и власы и браду и одежду со опасением опрятовати, яко бы в путь готовитися». Архимандрит Кириллова монастыря Никита, сопровождавший Никона, и остальные братья поняли, что приближается смертный час Патриарха, и начали «неходное последование над ним пети». Никон «возлег на уготованном одре, дав благословение своим ученикам, руке к персем пригнув, со всяким благоговением и в добром исповедании, благодаря Бога о всем, яко во страдании тесние свое соверши, с миром успе, душу свою в руке Богу предаде. Его же возлюбил. От жития сего отыде в вечное блаженство в настоящее лето 7189 (1681) месяца августа в 17 день»²²⁹.

Со скорбной вестью в Москву поскакал Чепелев. Царь Феодор Алексеевич, еще не зная ничего, послал в Ярославль свою карету «со множеством коней добрейших». Карета прибыла через два дня после смерти Патриарха. На ней устроили прочное «возило», куда поставили гроб, и медленные кони повезли тело Никона в Новый Иерусалим.

Над русскими просторами поплыли печальные звоны. Народ со слезами выходил встречать почившего святителя. В Александровской слободе игуменья девичьего монастыря, «со всеми черноризницами числом не менее двусот изыде во сретение вне монастыря со звоном, и со славословием, поюще литию, слезы точаще, с великим воплем восклицающе, плачуще о лишении своего настыря и учителя, и проводивше поприще едино, целовавши тело блаженного, возвратишася паки во обитель». Торжественно встречала печальный поезд Троице-Сергиева Лавра. Архимандрит Висентий со всей братией вышел к Святым воротам, над гробом Никона соборне пели литию, «целовавши тело блаженного со слезами».

Весть о кончине Никона сильно действовала на молодого царя. Он спросил Чепелева, каково духовное завещание усопшего. Дьяк ответил, что говорил об этом с Никonom, но тот сказал: «Вместо моего духовника да будет мир и благословение царю... и всему их царскому дому, а о душе моей и о грешном моем теле, о погребении и поминовении, о всем да будет он, благочестивейший царь... строитель и елико благоволит, тако сотворит». Феодор Алексеевич был тронут до слез и благоволил отпеть и похоронить Никона как Патриарха с самыми великими почестями. Иоаким, несмотря на многие уговоры государя, отказался поминать Никона «Патриархом» и по этой причине не поехал на погребение, благословив митрополиту Новгородскому Корнилию возглавить отпевание и поминать почившего так, как «повелит царь».

Утром 26 августа 1681 г. тело Патриарха Никона привезли и остановили на Елеонской горе против Воскресенского монастыря, у часовни, сооруженной, как пишет Шушерин, «во знамение общей любви и совета» Никона и Алексея Михайловича «к начинанию обители святых и именования, еже есть Новый Иерусалим...»²²¹. Предварительно Никона облачили в подобающие святительские одежды, надели архиерейскую мантию, панагию, схиму²²². Началось небывало торжественное погребение, длившееся непрерывно десять с половиной часов²²³. Никона поминали «Патриархом». Царь читал 17-ю кафизму, Апостол, пел вместе с хором. Святителя похоронили, по его завещанию, в Воскресенском соборе в Предтеченской церкви под Голгофой. С пением «Святый Боже...», обливаясь слезами, Феодор Алексеевич предавал тело Никона земле. Необычное поведение царя обращало на себя всеобщее внимание. Шушерин пишет, что все весьма дивились, «видя тако творяща царя и толкия сердечная любви ко Святейшему Никону Патриарху показующа, яко не слышно в нынешних родех тако творяща царя; и в память предыдущему (в смысле — последующему.—Прот. Л.) роду во удивление сне сотвори»²²⁴. Это было в самом деле весьма многозначительно, особенно если учесть, что здесь, среди царской семьи, стоял будущий «император» Петр, уже достаточно взрослый, чтобы хорошо запомнить картину погребения Никона...

В это время на Востоке Вселенских Патриархов уже объезжал царский посол Прокопий Возницин, получая у них соборные грамоты, которыми Кафолическая Церковь охотно и с радостью разрешала Никона, восстанавливала его патриаршее достоинство и причисляла к лику первопрестольных Святейших Московских Патриархов. В сентябре 1682 г. грамоты были доставлены в Москву.

Всё это, а особенно необыкновенное следование сперва живого, а затем почившего святителя от Кириллова монастыря до Нового Иерусалима, явилось сплошным триумфом Патриарха Никона. Православная Россия под колокольные звоны выходила на реки и дороги встречать, славить и оплакивать своего Патриарха. Это было поистине всенародным признанием, вменявшим им во что несправедливое извержение и осуждение Никона. Не дожидаясь формального восстановления его в патриаршем достоинстве, даже не зная, что такое восстановление следует, народ припадал к нему как к святителю-исповеднику и страстотерпцу. Это был поразительный случай, когда напор народной веры взламывал и отбрасывал прочь даже официальное соборное определение! Вот когда в полной мере обнаружилось, что русский народ по-настоящему любит и чтит Патриарха Никона, безгранично верит в его праведность!.. Как и он безгранично верил в праведность русского народа, засвидетельствовав навечно эту веру созданием Нового Иерусалима — явным указанием на великое кафолическое записание Русской Православной Церкви... Вера народа не бывает тщетной. У гробницы Патриарха Никона в Воскресенском монастыре с конца XVII по начало XX вв. были зафиксированы многие случаи чудесных исцелений и благодатной помощи людям после молитвенного обращения к Никону²²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹⁴⁶ М. А. Ильин. Каменная летопись Московской Руси. М., 1966, с. 16, 49—58.
- ¹⁴⁷ О соотношении понятий собрания верующих и дома Божия в слове «церковь» очень подробно — у о. Павла Флоренского. Эклезисологические материалы. «БТ», вып. 12. М., 1974, с. 175—179.
- ¹⁴⁸ Он же. Иконостас. «БТ», вып. 9. М., 1972, с. 96.
- ¹⁴⁹ См. Л. Успенский. Смысл и язык икон. «ЖМП», 1955, № 6.
- ¹⁵⁰ М. А. Ильин. Цит. соч., с. 58.
- ¹⁵¹ Г. В. Алферова. К вопросу о строительной деятельности Патриарха Никона. Сб. «Архитектурное наследство». М., 1969, № 18, с. 42—44.
- ¹⁵² Н. Субботин. Дело Патриарха Никона. М., 1862, с. 245.
- ¹⁵³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. VI. М., 1961, с. 264.
- ¹⁵⁴ Митроп. Макарий. История Русской Церкви. Т. XII. СПб., 1883, с. 720.
- ¹⁵⁵ Н. Субботин. Цит. соч., с. 216—217.
- ¹⁵⁶ М. А. Ильин. Цит. соч., с. 201.
- ¹⁵⁷ Архим. Леонид (Кавелин). Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876, с. 100.
- ¹⁵⁸ Там же, с. 89—92.
- ¹⁵⁹ Известие о рождении и о воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушерниным. М., 1871, с. 34.
- ¹⁶⁰ Там же, с. 50—51.

- ¹⁶¹ Там же, с. 50.
- ¹⁶² Архим. *Леонид*. Цит. соч., с. 14.
- ¹⁶³ Митроп. *Макарий*. Цит. соч., т. XII, с. 338.
- ¹⁶⁴ С. М. *Соловьев*. Цит. соч., кн. VI, с. 225—226, 250; 246—247; Митроп. *Макарий*. Цит. соч., т. XII, с. 247.
- ¹⁶⁵ См., например, данный очерк, с. 170, 198.
- ¹⁶⁶ Архим. *Леонид*. Цит. соч., с. 82.
- ¹⁶⁷ Новый Иерусалим. Памятники архитектуры XVII—XVIII вв. Изд. «Советская Россия». М., 1971, с. 3.
- ¹⁶⁸ Н. *Субботин*. Цит. соч., с. 217.
- ¹⁶⁹ ЦГАДА, ф. 27, д. 140, ч. III, лл. 114—115 об.
- ¹⁷⁰ Там же, л. 116.
- ¹⁷¹ «Известие...», с. 42.
- ¹⁷² Митроп. *Макарий*. Цит. соч., т. XII, с. 458.
- ¹⁷³ Известие... с. 42.
- ¹⁷⁴ Митроп. *Макарий*. Цит. соч., т. XII, с. 526—527.
- ¹⁷⁵ М. В. *Зызыкин*. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Ч. I. Варшава, 1931, с. 210—213.
- ¹⁷⁶ Известие... с. 51—52.
- ¹⁷⁷ Я. Л. *Барсков*. Памятники первых лет русского старообрядчества (далее — ПРС). СПб., 1912, с. 106—108.
- ¹⁷⁸ Архим. *Леонид*. Цит. соч., с. 14.
- ¹⁷⁹ Творения повонерусалимских поэтов составили даже особую «школу» и стали видным явлением литературной жизни России 2-й половины XVII в. (А. М. *Панченко*. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, с. 103—116).
- ¹⁸⁰ Митроп. *Макарий*. Цит. соч., т. XII, с. 686.
- ¹⁸¹ Все официальные документы судебного процесса над Никоном опубликованы. Среди них нет протокола заседаний, хотя, по свидетельству самого Никона, протокольная запись велась по ходу процесса (ПРС, с. 97). Сохранилась официальная записка о всем соборном суде, составленная после окончания Собора и излагающая события и речи участников, как видно, по памяти автора, без особой системы. Имеется также сочинение Паисия Лигарида «История Собора на Никона», написанное очень предвзято и тоже после окончания процесса. В «Известии...» Шушерина есть рассказ о Соборе, написанный также много лет спустя после события и, как видно, со слов монахов, бывших с Никоном на суде. Все три источника излагают последовательность процесса далеко не одинаково. Судя по всему, и действительный ход соборных заседаний не имел четкой последовательности в обсуждении вопросов, отличался заметной «стихийностью»; начинали обсуждать одно, но отвлекались на другое, к одному и тому же вопросу возвращались потом по несколько раз. Трудно даже в точности установить, сколько было судебных заседаний. Одни различают заседания 1 и 3 декабря, другие полагают, что это было одно заседание. Историки С. *Соловьев* (цит. соч., кн. VI, с. 256—268), митрополит *Макарий* (цит. соч., т. XII, с. 685—782), Н. *Субботин* (во всем своем сочинении) пытаются, насколько возможно, восстановить ход Собора против Никона, достаточно основательно используя сохранившиеся документы. В настоящем очерке мы опираемся на их исследования, восполняя данные одного автора данными другого и принимая перечень судебных заседаний, предлагаемый митрополитом Макарием.
- ¹⁸² Это обычный запрестольный выносной крест кипарисового дерева. В 1964 г. он был найден автором этих строк среди обломков довоенного музея в б. Новоиерусалимском монастыре, в развалинах Воскресенского собора. На бронзовом яблоке между крестом и рукояткой вырезана надпись: «Сей честный крест Святейшего Никона Патриарха обложен из монастырского серебра... епископом и кавалером Амвросием...». Крест затем был передан в мастерские им. П. Грабаря.
- ¹⁸³ Известие... с. 61—62.
- ¹⁸⁴ С. М. *Соловьев*. Цит. соч., кн. VI, с. 256; митроп. *Макарий*. Цит. соч., т. XII, с. 704.
- ¹⁸⁵ Митроп. *Макарий*. Цит. соч., т. XII, с. 309, 711.
- ¹⁸⁶ Н. *Субботин*. Цит. соч., с. 156.
- ¹⁸⁷ Известие... с. 62, 65—66.
- ¹⁸⁸ Детально исследовав этот вопрос с историко-канонической точки зрения, проф. М. В. *Зызыкин* приходит к обоснованному выводу о том, что Патриарх Никон «не отрёкался от престола, а только от некорректной части, под которой разумелся первый сын Церкви — царь и окружающие его бояре» (М. В. *Зызыкин*. Цит. соч., ч. II, с. 235).
- ¹⁸⁹ Известие... с. 66—69.

- ¹⁹⁰ Митроп. Макарий. Цит. соч., т. XII, с. 731; С. М. Соловьев. Цит. соч., кн. VI, с. 264.
- ¹⁹¹ Митроп. Макарий. Цит. соч., т. XII, с. 730; С. М. Соловьев. Цит. соч., кн. VI, с. 264.
- ¹⁹² М. В. Зызыкин. Цит. соч., ч. I, с. 215—217.
- ¹⁹³ Митроп. Макарий. Цит. соч., т. XII, с. 741—743.
- ¹⁹⁴ Там же, с. 743.
- ¹⁹⁵ Там же, с. 739.
- ¹⁹⁶ Н. Субботин. Цит. соч., с. 244—249.
- ¹⁹⁷ Там же, с. 244—245.
- ¹⁹⁸ Известие..., с. 73.
- ¹⁹⁹ С. М. Соловьев. Цит. соч., кн. VI, с. 268.
- ²⁰⁰ Митроп. Макарий. Цит. соч., т. XII, с. 754.
- ²⁰¹ Там же, с. 757.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Там же, с. 782.
- ²⁰⁴ ПРС, с. 93—104.
- ²⁰⁵ Известие..., с. 80.
- ²⁰⁶ С. М. Соловьев. Цит. соч., кн. VI, с. 270.
- ²⁰⁷ Известие..., с. 88—89.
- ²⁰⁸ С. М. Соловьев. Цит. соч., кн. VI, с. 273.
- ²⁰⁹ Там же, с. 275.
- ²¹⁰ Там же, с. 323.
- ²¹¹ ПРС, с. 105—116.
- ²¹² С. М. Соловьев. Цит. соч., кн. VI, с. 277.
- ²¹³ Известие..., с. 90.
- ²¹⁴ Там же, с. 91.
- ²¹⁵ С. М. Соловьев. Цит. соч., кн. VII, с. 195—196.
- ²¹⁶ Известие..., с. 93—94.
- ²¹⁷ Архим. Леонид. Цит. соч., с. 41.
- ²¹⁸ Известие..., с. 99.
- ²¹⁹ Там же, с. 101.
- ²²⁰ Там же, с. 104.
- ²²¹ Там же, с. 107.
- ²²² Архим. Леонид. Цит. соч., с. 54.
- ²²³ Там же, с. 50—53.
- ²²⁴ Известие..., с. 109.
- ²²⁵ Н. Бриллиантов. Патриарх Никон в заточении на Белоозере. СПб., 1899, с. 122; Митрополит Антоний. Восстановленная истина. О Патриархе Никоне. Полное собрание сочинений. Т. IV, дополнит. Киев, 1919, с. 245. Проф. М. В. Зызыкин совершенно убежден в святости Патриарха Никона. Предисловие к своей книге он заканчивает собственной молитвой: «Святителю отче Никоне, моли Бога о нас!»